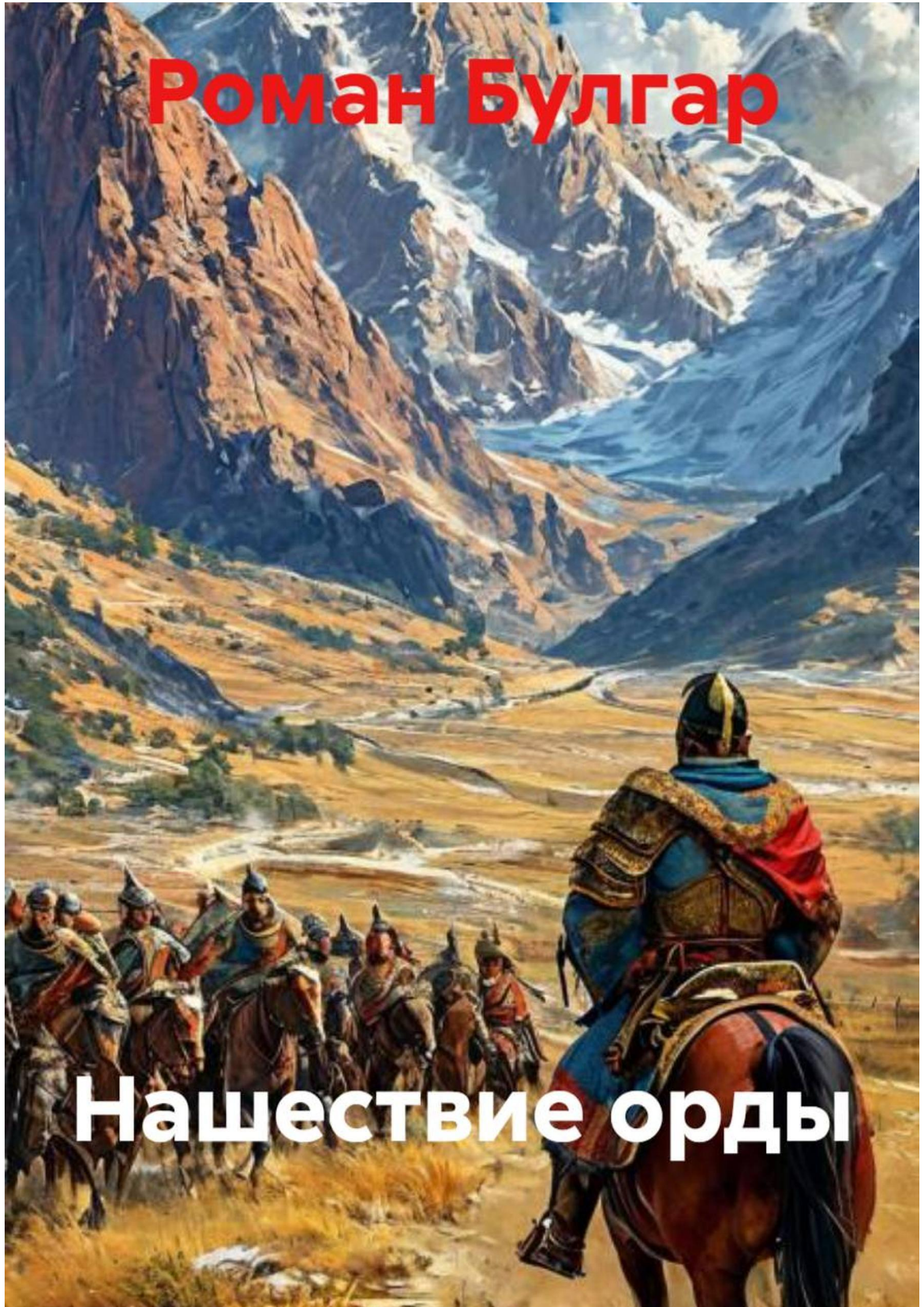

Роман Булгар

Нашествие орды

Роман Булгар

Нашествие орды

«Автор»

2025

Булгар Р.

Нашествие орды / Р. Булгар — «Автор», 2025

Подчинив себе Великую степь, Чингисхан сокрушил китайскую империю и обратил свой взор на Запад, на страны Заходящего солнца, желая расширить границы своей державы, достичь берегов Последнего моря. Под ударами монголов пал могучий Хорезм, потерпело поражение русское войско на реке Калка... Орда подступила к Великой Булгарии... Четвертая книга романа «Пропавшее кольцо императора». Продолжение романов «Хождение в Великие Булгары», «На руинах империи гуннов» и «Татары, которые монголы».

© Булгар Р., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть первая. Незванные гости	6
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Роман Булгар

Нашествие орды

Подчинив себе Великую степь, Чингисхан сокрушил китайскую империю и обратил свой взор на Запад, на страны Заходящего солнца, желая расширить границы своей державы, достичь берегов Последнего моря.

Под ударами монголов пал могучий Хорезм, потерпело поражение русское войско на реке Калка...

Орда подступила к Великой Булгарии...

Четвертая книга романа «Пропавшее кольцо императора». Продолжение романов «Хождение в Великие Булгары», «На руинах империи гуннов» и «Татары, которые монголы».

От автора:

Школьный курс по истории Руси весьма скупо повествует нам о сокрушительном нашествии орды монголо-татар. Туманно и крайне неясно поясняют нам историки о том, каким ветром занесло объединенное войско русичей на берега реки Калка, где оно потерпело разгромное поражение от диких кочевников.

И вовсе стыдливо умалчивается о том, что это самое непобедимое войско монголов, возвращающееся с богатой добычей, было в пух и прах разбито волжскими булгарами. Как будто бы для русских историков и не существовало веками на берегах Волги и Камы государства Великих Булгар, не уступающего по мощи самой Руси. Словно и не было в нашей общей истории народа, который через много веков намеренно назовут другим именем, чтобы навечно вытравить из сознания людей память о народе Великих Булгар.

Потеряв татар после битвы на Калке на целых двенадцать лет, мы их «неожиданно» вдруг обнаруживаем у границ Рязанского княжества. Благодаря замалчиванию отдельных исторических фактов, простому обывателю никак не понять того, как монголы смогли незаметно для русичей преодолеть тысячи верст Дикого поля, что к их приходу Русь оказалась совершенно не готова...

Ответ прост. Татары-монголы стояли рядом. На протяжении десятка лет орда предпринимала попытку за попыткой, чтобы силой сломить сопротивление булгар, отомстить за обидное поражение. Год за годом они все ближе подбирались к столице булгарской державы.

За год до нашествия на Русь полчища Батые снова напали на Волжскую Булгарию. С огромными потерями смогли татары покорить Великих Булгар, которые так и не дождались помощи от Суздальского князя.

А вот русичи не протянули руку в беде, желая всецело ослабить своего богатого соседа, чтобы потом сполна воспользоваться его бедственным положением. Грезил князь русов о том, что после ухода татар сами нападут на булгар, легко повоюют их земли...

Расплата не заставила себя долго ждать...

Часть первая. Незванные гости

Глава I. Тревога в лесу

На небе, потерявшем бездонную глубину, растворяясь в медленно удаляющейся Вечности, устало перемигиваясь, погасли звездочки. Посерело, потянуло свежестью.

Над дремучими урманами, прыгая по верхушкам, раскачивая их и ловко отталкиваясь от них, набираясь силенок перед своим очередным прыжком, заскользил утренний ветерок. Тихонечко шелестел задира-баловник листочками, потерявшими к исходу лета всю радующую глаз сочно-зеленую свежесть, и убаюкивал лесных обитателей.

Вернувшийся с ночной охоты на расплотившихся полевках, филин хищно зыркнул, поведя не моргающим взглядом из стороны в сторону, вжал круглую голову, весь нахохлился и прикрыл глаза. Лесное царство сковывающей пеленой сладко укутал предрассветный сон.

В тесной норе под замшелой корягой, прижимаясь к теплому брюху матери, причмокивали лисята. Пугливые зайчата спрятались, покрытые нежным серым пушком, подрагивали во сне пушистыми хвостиками. На обратном склоне холма устроила свое логово матерая волчица. И она тоже дремала, прикрывая своим телом волчат. И во сне ее острые клыки угрожающе торчали из приоткрытой хищной пасти...

Весь мир, словно убаюканный, погрузился в предрассветный, самый крепкий и сладкий сон. Тишина. Ничто, ничто не тревожит ее...

Чу! Послышались осторожно приближающиеся, крадущиеся шаги. Увы! Не все божьи твари спали в час коротенькой утренней зорьки.

В столь раннюю пору давно бодрствовали те, кто по матушке-земле передвигался на двух ногах. Раздвигая густые ветви, на опушке вековой дубравы показалась дочерна загорелая круглолицая мордашка с широко расставленными узкими глазками.

Чуть ли не на самые черные пронзительные глаза была натянута облезлая меховая шапка, отороченная драным и облезлым, а когда-то пышным, огненно-рыжим лисьим хвостом. Изпод малахая торчали безобразно спутанные, грязные лохмы иссиня-черных, как смоль, волос.

Любопытно вытягиваясь из-за шелестящего, мелко подрагивающего на ветру укрытия, широкоскулая взлохмаченная башка приподнималась, и вот показались узкие плечи в накинутом на них рваном и коротком нагольном овчинном полушубке. Ветки еще скрывали плотно скроенное туловище на коротких и кривоватых ногах в толстых меховых штанах.

Стоптаннные сапоги прочно и по-хозяйски упирались в сырую землю, заботливо покрытую мягкой зеленой травушкой-муравушкой, жалобно пригнувшейся под широко расставленными ногами степняка.

Тяжелый, недобрый взгляд его напряженно ощупывал свободную от деревьев полосу равнины, полого опускающейся к берегу темнеющей впереди речки. Не зная броду, чужак пытался найти переправу и это ему удалось. Чуть левее того места, откуда он наблюдал, река, вырвавшись из теснивших ее крутых холмов, разливалась широко, и она несла воды спокойно и неспешно. Именно там следовало искать мелководье, на что недвусмысленно намекали переливающиеся на свету буруны.

Небольшой конный отряд, оставляя после себя росистый след на примятой копытами траве, гуськом пересек неширокий заливной луг.

Высокая трава по брюхо скрывала в себе низкорослых, мохнатых и с виду неказистых, но без меры выносливых лошадок. Неприхотливые и привычные к подножному корму коники.

Способны они прокормиться зимой там, где, казалось бы, вовсе и не имелось какой-либо пригодной к пище растительности. Откапывают кони копытами ее из-под слоя снега.

Передовая лошадь, понукаемая твердой рукой, приняхиваясь и фыркая, настороженно прядая ушами, сторожко вступила в прозрачную воду. Пару раз переступив, она, хрипя, осаживаясь на задние копыта и забрасывая вверх передние копыта, все же пошла. За ней потянулись остальные. Добравшись до противоположного и более крутого берега, привычные к горам лошадки легко преодолели осыпающуюся кручу.

Перед глазами открылась ставшая уже в последние дни привычная картина: за небольшим лугом снова начинался лес...

Недремлющая на сосне сойка заметила чужаков, вскрикнула. Хлопая крыльями, она взлетела, закружила над верхушками деревьев, полоша, поднимая тревогу и будя, прерывая сладкий сон, стряхивая его остатки с тех, кто жутко любил понежиться на исходе утренней зорьки.

Поднялся и, хрустя валежником, неторопливо потрусил в другую сторону от надоедливому шума мохнатый зверь – хозяин урмана.

Отъевшийся сладкими ягодами мишка был в то утро по горло сыт. Встречаться же на полный желудок с неведомым чужаком, возможно, представляющим для всех немалую опасность, желания особого он в себе не нашел и счел за разумное попросту на время ретироваться.

Рассудил косолапый, что лучше-де будет в стороне пока отсидеться, переждать смутную тревогу, поднятую бдительной птахой.

Издалека учуяв выставленным вперед рылом приближение старого и могучего самца-медведя, покрытый густой, со временем поседевшей шерстью, кабан перестал чесаться спиной о ствол дуба. Призывно он хрюкнул, вытягивая по ветру длинную морду, развернулся и засеменил. За ним живо пристроилось семейство поросят. Замыкала шествие матка, с тревогой похрюкивавшая и подгонявшая своих неразумных деток.

Надвигающееся хрюканье выгнало из норы взволнованную волчицу. Она предупреждающе выгнула спину. Шерсть угрожающе вздыбилась.

Глаза ее загорелись неистовым огнем, и бегущий впереди косач не стал испытывать на себе судьбу. Он круто завернул, предусмотрительно обойдя волчье логово. Подгоняемый страхом, хряк опустил голову и дал деру, не разбирая дороги, сметая все на своем пути.

Огненно-рыжий хвост едва успел отскочить в сторону. Шустрыми язычками пламени разлетелись веером неразумные лисята. Разбежались они в разные стороны, толкая перед собой расширяющиеся волны страха, неведомо откуда взявшегося, непонятного, а оттого еще более пугающего. Обморочный страх гнал вперед зайчишек и бельчат...

Неширокая лесная тропа совершила крутой поворот. Тенистые кущи могучего дубняка сменились густыми зарослями колючего шиповника и ломкой бузины. Всадники в них едва скрывались.

Отступили на время чуждые душе степняка и угнетающие запахи лесной прели. Поднимающийся утренний ветерок донес свежий запах летних трав вперемешку с красноталом, просочилась дразнящая струйка влажной прохлады.

Кося огромным глазом и вытягивая шею, поворачивая морду, конь под передним всадником зафыркал, и монгол легонько натянул поводья, умерив прыть длинногривого и плотного рыжеватого мерина.

Шедший сбоку на короткой привязи заводной жеребец мышастой масти посунулся, было, вперед, дернул повод, недовольно всхрапнул, кося диковатым фиолетовым глазом. Он тоже учуял близость реки или озера. Ему мерещилась сладкая вода в зеленых берегах. Не та горькая, степная, на которой возрос он в полудиких табунах, а та упоительно сладкая лесная влага. Он

уже чувствовал ее в сухом воспаленном горле и не мог понять, отчего хозяин медлит и не спешит к водопою.

Всадник остерегающе гукнул на жеребца, подтянул повод, любовно коснулся длинной лошадиной шеи жесткой рукой, и конь успокоился. Едущие следом сбавили шаг лошадей, чтобы не нарушать дистанции.

Глухой стук копыт по сухой земле вспугивал мелких зверюшек и птиц. Они, взволнованные, то и дело мелькали в кустах, рассыпаясь по сторонам, похожие на призраки в пестроте полуденных теней.

Но вот кони испуганно захрапели, резко остановились, не слушая хозяев, зло прижимая уши. Небольшая стая хищных серых зверей сидела на их тропе, ожидающе, безбоязненно щуря дремучие холодные глаза и обнажая белые ряды зубов в свирепой звериной улыбке-оскале.

– Хук! – всадник поднял правую руку с тяжелой ременной плетью, в широкий конец которой был зашит кусок свинца, резко взмахнул ее, со свистом рассекая воздух. – Прочь! Пошли прочь!

Понукаемые всадниками, кони с усилием, как бы раздвигая вязкую массу страха, пошли вперед, часто перебирая ногами. Но звери остались на своем месте, сильнее ощерив сахарные острые клыки. Вздрагивала от ярости сморщенная верхняя губа самого ближнего хищника.

По сигналу командира один из всадников неуловимым движением выхватил из пристегнутого к седлу саадака черный лук. В следующий миг длинная стрела легла на тетиву. Не останавливая коня и почти не целясь, монгол выстрелил. Выпущенная умелой рукой, длинная стрелка тоненько запела, неся с собой своей жертве неминуемую смерть.

Пораженный в шею, зверь рыкнул, подпрыгнул, пластом растянулся поперек дороги, судорожно задергал задними лапами. Волки исчезли в густом терновнике. Товарищи по стае не стали испытывать ненадежную спутницу их жизни – судьбу. Поспешили они уступить дорогу более хищному и опасному зверю.

Щеря редкие зубы в злорадной улыбке, меткий стрелок направил храпящую лошадь к мертвому волку, подхватил зверя за переднюю лапу. Он равнодушно смотрел, как с каленого железного наконечника стрелы, насквозь пробившей толстую волчью шею, капает густая черноватая кровь. Потом монгол выдернул стрелу, вытер о потник заводного жеребца, сунул обратно в колчан – еще не раз она ему пригодится, негоже таким оружием разбрасываться в долгом и опасном пути. А волка он равнодушно отбросил на обочину тропы.

– Извини, брат, твоя охота закончилась...

Снова затопали копыта, и всадник, держась за древко легкого бамбукового копья, вставленного в жесткий опорный чехол, пришитый к стремянке, зорко всматривался в тропу хищными глазами степной кошки – манула. Меховая островерхая шапка, казалось, приросла к его круглой голове. Обнаженные по плечи мускулистые руки были темны, как толстая дубленая кожа доспеха, прикрывавшего его грудь и живот.

И эта кожаная броня тоже казалась навсегда слитой с собственной кожей всадника. Даже висящая сбоку кривая сабля в кожаных ножнах, обтянутых тонкой шкурой сайги, казалось, росла из его кривого бедра.

– Ха! – губы командира расплылись в зловещей улыбке. – Пришло время нашей охоты...

Плечистый, в стальном, тускло поблескивающем шлеме с поднятой кверху стрелкой, в чешуйчатой стальной рубахе с гладко сияющим нагрудником и с оплечьем, в стальных наколенниках, вооруженный булавой с острыми шипами, на металлической цепи, легкой саблей в замшевых ножнах, он сильно отличался от своих подчиненных нукеров.

Широченное и скуластое лицо десятника с жидковатыми отвислыми монгольскими усами походило на неживую маску. Но в глубине его зло сощуренных темных глаз, не затухая, полыхал недобрый огонь.

По прямой посадке, по немигающему, как у ядовитой змеи, взгляду, по тому, как его короткопалая кисть жестко сжимала рукоять булавы, чувствовалось: этот человек умеет приказывать. Он не знает жалости и снисхождения, а узкие глаза его так же привыкли к виду смерти, как привыкли они к созерцанию неба и солнца, травы и деревьев.

Он первым ехал во главе десятка воинов. Синий лоскут трепетал на конце его поднятого вверх копья. Изредка значок десятка склонялся на сторону, медленно покачивался, и тогда все всадники торопили или сдерживали лошадей, растягивали или уплотняли колонну.

– Взять с собой... – Кокчу ткнул рукой в сторону убитого волка.

Его жест повторили, последний, наклоняясь с седла, подхватил зверя, захлестнул петлей аркана, забросил на круп присевшего жеребца.

Тропа ширилась, а кони опять тревожно похрапывали, косясь на близкие заросли. Видно, волки следуют за отрядом, и это хороший знак: звери заранее чуют кровь. Значит, скоро она прольется. Но прежде чем волки получают добычу, всадники заполучат свою...

На опушке лесочка, прижимаясь к самому урману, словно росла из самой земли, прилепилась сама по себе неказистая избушка. Сложенная из толстых бревен, накрытая тесом и обложенная сверху дерном, она издали сливалась с самой природой, которая будто прикрывала жилище от чужих и любопытных глаз. Лишь случайно и лишь близко подойдя и наткнувшись на избушку, можно было обнаружить ее присутствие.

Оно не раз уже спасало ее обитателей от недобрых гостей. Но только в это утро семье бортника не повезло. Сами не ведая того, степняки подобрались к ней столь близко, что стали отчетливо видны посеревшие от дождей бревна, нелепым пятном выделившись среди густой зелени.

Вытянув вверх руку, Кокчу остановился. Позади него замерли его воины. Десятник учуял, что в жилище они найдут не только то, чем можно поживиться, но и раздобудут себе толкового проводника.

Вторую неделю плутали они по чужой, незнакомой земле, сбиваясь с пути и кружа, то и дело вынужденные преодолевать многочисленные речушки, студёные ручьи, пробиваться через непроходимые урманы. Еще немного, и они не успеют к назначенному сроку сбора отрядов.

Старый барс с отгрызенной лапой, обожаемый всеми монголами военачальник Субэдэй, будет страшно недоволен, когда узнает, что его любимый десятник Кокчу из личной его охраны не сумел выполнить данного ему поручения.

Никто из других участников предпринятого похода в земли булгар не знал истинной цели его. В их планы входила разведка маршрутов для будущего выдвижения войск, но это было не самое главное.

От лазутчика по имени Саид пришло долгожданное донесение о том, что им найдено кольцо китайского императора с нанесенными на него магическими заклинаниями могущественного Сулеймана.

За чудным кольцом охотился сам Чингисхан. В его поисках орда, возглавляемая им, разгромила все царства в Великой степи, а потом устремилась на заход солнца, к берегу Последнего моря, дошла почти до самого края земли. Но победоносный поход пришлось остановить из-за болезни Повелителя Вселенной...

Ураганным вихрем промчались они по многим странам, обратив их в прах, но кольца Сулеймана так и не нашли. Не оказалось его и у шаха Хорезма. Перстень на пальце шаха оказался лишь жалкой подделкой.

Ярости Чингисхана не было предела. Он отправил на поиски двух самых лучших полководцев, Субэдэй-багатура и Джебэ-нойона.

Верные псы Повелителя Вселенной, выполняя его волю, забрались настолько далеко, что письмо, отправленное им, везли больше года...

Во все дальние и ближние страны отправились тайные лазутчики. Им приказали найти кольцо и немедленно доложить о находке. Долгое время это никому не удавалось. И вот резчику печатей по имени Саид, отправленному в самое сердце Булгарии, удалось напасть на его след, посчастливилось увидеть собственными глазами...

Ему одному, десятнику Кокчу, открыл старый лис Субэдэй тайну кольца, поручил выполнение сложного и небезопасного дела.

Под прикрытием иных отрядов его людям следовало проникнуть в город Биляр, отыскать владелицу кольца и попытаться похитить ее вместе с перстнем. В своем послании Саид сообщал, что племянница эмира – девушка неписаной красоты, и хан Бату возжелал убедиться в этом собственными глазами. Ежели кольца с нею не окажется, то позже болгарскую девку обменяют на него, на магический перстень великого царя Сулеймана. Если болгарский эмир так ее любит, свою племянницу, то он ни перед чем не остановится, чтобы вернуть девушку назад.

Сознание важности выполняемого им поручения переполняло душу честолюбивого монгола. Он уже видел, как привезет с собой и поставит перед степным барсом болгарскую диву, на нежном пальчике которой сверкает изумительный перстень с таинственными заклинаниями.

И его усердие щедро вознаградят. Его сделают сотником. Нет, он станет тысячником. Он первым поведет воинов на штурм Биляра...

– Ты и ты! – очнувшись от сладких грез, Кокчу показал пальцем на двух своих воинов. – Обойдете жилище справа! Ты и ты – слева! Мы ждем. Нападаем по моему сигналу! Никто не должен уйти!

Две пары всадников, слегка углубившись в лес, чтобы скрыться из вида, двинулись вдоль опушки. Они шли напролом, совершенно не разбирая дороги. Хруст валежника под копытами коней растревожил птиц. Галдящая стая тревожно закружилась над лесом.

Взбешенный Кокчу едва удерживался в седле, чтобы не послать вслед за ними, но изменить что-то, уже было не в его силах. К тому же, он и сам понимал, что им, степнякам, бродить по дремучим урманам непривычно, в лесах они чувствуют себя чужаками, незванными гостями.

Оставалось только надеяться на то, что обитатели избушки никак не заметят устроенного ими лесного переполоха...

Вдоль бережка студеного и в летнюю жару родничка возвращался бортник по прозвищу Корт. Иногда его еще называли Башкорт – голова, старший над пчелами, но он на это прозвище обижался, не хотел, чтобы и его причисляли к народу башкир. А вот на прозвище Корт откликался охотно. Хотя, на самом-то деле, звали его в молодости Нургали.

Кроме занятия с дикими пчелами, не брезговал он охотой на мелкого зверя, ставил хитрые ловушки, плел силки на зайчишек и лисичек. Он заканчивал обход своих угодий. К его немалой радости, он уже успел извлечь двух запутавшихся в тонких сетях зайчишек и одну лисицу.

За отцом вприпрыжку передвигался его старший сын Узун. Назвали мальчишку так, оттого что родился он длинным и худющим. И сейчас в свои неполные пятнадцать лет вымахал повыше своего родителя, верно, пошел в деда по матери. Тот тоже удостоился дивно высокого роста.

Привычные к лесной жизни, они передвигались тихо. И вокруг них не стихало многоголосое пение и щебетание радующихся вставшему солнцу пичуг. И вдруг все в одно мгновение изменилось. Как будто по единому сигналу, лесные птицы вспорхнули. Они взметнулись, порхая крыльями, в небо, переполошенные, закружились, отчаянно галдя.

Почуввав неладное, бортник заторопился, сошел со своей охотничьей тропы, выбрался на опушку леса. Выглянул из-за веток в надежде, что ничего страшного не случилось, а тревога,

что прыжками понеслась по верхушкам вековых деревьев, оказалась ложной, как случилось не один раз. Вот чужой и сильный зверь забрел и распугал местных зверушек.

Но на этот раз беду мимо их избушки не пронесло, она двигалась к ней. Наметанный глаз бортника обнаружил присутствие чужих людей.

Четыре всадника попарно заходили слева и справа, а еще шестеро, низко пригнувшись к конским холкам, неслись по ровному полю.

– О, Аллах! – подрагивая, прошептали побледневшие губы. – Бежим, Узун, бежим! – поторопил бортник своего сына.

Думалось ему, они поспеют, смогут предотвратить страшную беду. Они бежали и понимали, что им никак не поспеть, что вороги первыми поспеют к избушке, в которой незваных гостей никто не ожидал.

От безысходности и отчаяния мужские скулы сводило в страшном оскале, и Корт бежал, не оглядываясь. Он словно понимал, что своим видом в состоянии напугать сына, хотя, на самом деле, ему было в этот момент элементарно не до этой мысли.

Все его мысли роились в избушке, как он хотел бы заглянуть в нее и дать сигнал своим домочадцам о приближающейся беде. Эх, если бы он мог крикнуть и голосом предупредить свою жену. Но вряд ли она его услышит за толстыми стенами, а вот чужаки внимание на его призыв обратят. И тогда он уже ничем не сможет помочь своей семье...

– Узун, – не останавливаясь, отрывисто прокричал он, – беги в аул, предупреди. Давеча там-то на постой встали десятка три конных воев. Пускай, не мешкая, скачут к нам... на подмогу...

След бы ему, глупому-то, раньше додуматься! Столько мальчишка лишнего-то с ним пробежал. Да еще и не в ту-то сторону, а совсем в обратную сторонку. Нет, не поспеть Узуну, не поспеть, не поспеть...

На широких полатах, разметавшись в тихом сне, спала девушка-подросток. По ее юному личику то и дело пробегали тени сладких грез.

Старавшаяся бесшумно передвигаться по избе, женщина с теплой улыбкой посматривала на свою красавицу-дочку.

Росла Амина общей любимицей. При любой возможности и мать, и отец старались избавить ее от лишних хлопот по хозяйству, оградить, хотя бы на малое время, от извечной женской доли.

Вот, когда вырастет, выйдет замуж, тогда уж и хлебнет сполна из этой чаши. Ох, достался бы ей, лапушке, муж работающий да заботливый, вот бы они тогда и стали бы за свое любимое чадо спокойны.

Рядом с Аминой примостилась, почмокивая губками, девчушка трех-четырёх лет, можно сказать, совсем еще несмышлениш. Малышке еще расти да расти. Пока же ее немного обделяют вниманием.

Но и ей в свое время достанется от родительской любви, особенно, когда старшая сестра покинет их дом. Вот выйдет замуж Амина, оставит отчий кров, уйдет жить к мужу.

А куда маленькой девочке и без того жилось в их большой семье неплохо, окруженной со всех сторон лаской и заботой.

Проходя мимо, мать ласково провела своей рукой по волосам сына, намериваясь разбудить его, но потом передумала, решив, что пускай мальчонка поспит еще немного, успеет еще наработать за весь день. В отличие от сестры, его от работы по дому никто не ограждал.

– Спи, маленький, спи... – женщина тепло улыбнулась.

Вот придет отец, тогда и разбудит она своего младшенького. Всех своих детей ей жалко. И старшего сына Узуну, что ни свет и ни заря встал и двинулся в обход охотничьих угодий вместе со своим отцом.

И жалко красавицу Амину, коей скоро замуж выходить, сватались намеренно. И младшеньких детишек тоже ей жалко...

Что уж про то судить-рядить, такова их доля-долюшка. Кому-то по предначертанному свыше самими их Небесными Богами и добрыми их Духами суждено жить в городе, в высоких каменных домах. Там они под защитой глубоких рвов и толстых крепостных стен. Там нет нужды им торопиться вставать, по утренней зорьке оббегать лесные тропинки, доить коров и коз...

Тоненько звякнула ложка в неловкой руке, на полатах зашевелились. Девушка открыла глаза и, сладко потянувшись, счастливо улыбнулась.

Во сне к ней приходил милый-суженый. Он упоительно сладко целовал ее в губы, и по всему ее телу пробежала волнительная дрожь...

Почувствовав возрастающее давление в мочевом пузыре, Амина, прикрывая ротик ладошкой, чуть слышно хихикнула и выпростала ноги из-под лоскутного одеяльца. Вдохнув полной грудью, она встала, не надевая обуви, босиком, быстренько прошлепала по земляному полу.

Толкнула дверь и, сопровождаемая любящим материнским взглядом, вышла она на улицу. Задорно подмигнув поднимающемуся солнечному диску, шмыгнула дева за стенку, задрав подол коротенькой рубашонки, присела. Застиранный простенький материя стала настолько тонкой, что сквозь нее просвечивало ее юное тело, и два розовых соска бесстыдно выпирали, натягивая ткань, на налившейся соками тугой юной груди...

Устроенная татарами облава, туго сжимая кольцо, подкатывалась к избушке на опушке леса все ближе и ближе. Лишь краем глаза Кокчу высмотрел, как из едва приоткрывшейся дверцы в дворик выскочило босоное создание и, сверкая розовыми коленками, скользнуло за угол.

Его прошибло потом. Оттого, что их чудом не заметили, и потому, что внутри при виде юного длинноволосого чуда сладко заныло.

До ограды еще оставалось сотни две шагов, и он неотступно следил за тем углом избушки, за которым скрылась юная дива, остро давась от подступившего ревностного чувства, боясь, что ее могли заметить и его товарищи, чего ему сильно не хотелось и по самым разным причинам.

Приятно разлившееся по всему телу облегчение подняло настроение еще больше, и Амина широко улыбнулась, выпрямилась и потянулась.

Откуда-то вмиг налетевший ветерок-шалунишка прошелся по ней своим прохладным дыханием. Он натянул и рванул за собой тонкую материю, обнажив на мгновение, открыв юную наготу перед парой бесстыжих глаз, которые пристально впились в явившееся вдруг чудо трудно описываемой словами девственной красоты.

И только сейчас Амина услышала приближающийся конский топот, обмирая и теряя все силы, повернула голову и остолбенела. Страхивая с себя оцепенение и чувствуя, как тело отказывается повиноваться ей, она кулем опустилась на землю на подкосившихся ногах, на четвереньках поползла к сеннику в надежде зарыться и скрыться от чужих глаз.

Она не замечала, как колется забравшаяся под рубаху прошлогодняя труха. На этот раз не обращала она внимания и на сладкий, круживший голову запах недавно скошенной и подсушенной на солнце травы.

В этот миг ей было просто не до этого. Лишь одно только желание – спастись и выжить – целиком овладело ею.

Спешившись, татары, гулко галдя, окружили избу. Кидая в сторону сенника настороженные взгляды, Кокчу велел своим воинам вытащить из жилища всех, кто в нем находился.

– Никого не убивать! – строго предупредил он.

Им позарез требовался проводник. Сначала они отыщут того, кто им покажет прямой путь до Биляра, он решит, как поступить с остальными.

Брать кого-то с собой в полон у них резона не было – лишней обузы им только не хватало. Где-то бродила шальная мысль о том, что можно взять с собой девчонку. Конечно же, если она так хороша собой, как это представилось ему в его мечтах. Лица-то девы он толком и не разглядел.

А вот тело у нее показалось дивно восхитительным. Такого он ни разу еще не видел, хотя, как ему думалось, он ведал в этом толк...

Ничего не подозревающая женщина не придавала значения тому, что мимо окна – небольшой дыры, вырубленной посреди стены и заткнутой растянутым бычьим пузырем, промелькнула неясная тень. Она мельком подумала, что резвится их любимица Амина, бегает босиком по росе.

А может, вернулись с утреннего обхода ее мужчины. Ничего они не нашли, и такое иногда случалось. На все воля Всемилоостивого Аллаха...

И лишь рывком распахнутая дверь обдала ее волной мгновенно поднявшейся тревоги. Но стало уже поздно. Сдавленный стон вырвался из женской груди. Она попятилась от враждебного взгляда чужака, вызывающего неприятную дрожь в коленях, оперлась спиной об стенку, раскинула широко руки, словно приковывая все внимание к себе, неосознанно пытаясь собой загордить от беды своих малых деток.

Низенький воин шагнул к ней и уперся вонючим ртом в ее высокую грудь, довольно заурчал, опоясал женский стан своими по-обезьяньи длинными руками, цепкими пальцами ухватился пониже спины....

В избе хозяйничали чужаки. Они бесцеремонно стащили с полатей мальчишку и девчонку, под издевательский смех оставшихся на улице татар грубо вышвырнули деток во двор. Они перерыли вещи, собирая все самое ценное, остальное добро, на их степной взгляд, в хозяйстве ненужное, для их кочевой жизни непригодное, ломая и разрывая...

По пологому склону холма к пересыхающей в летнюю жаркую пору извилистой речушке размашисто, гордо и непринужденно подступала величественная дубрава. Под ее могучими, как на подбор, вековыми деревьями, под их густо раскидистой сенью любили копаться кабаны, с довольным хрюканьем роясь в мягкой и блестящей жирностью черной земле и отыскивая сытные и питательные желуди.

Вдоль другого берега к темнеющей воде подбирались белеющая высокими стройными белыми стволами березовая роща. Вытянувшиеся ввысь красавицы кокетливо опоясались густыми побегами листвы, приукрасились витиеватыми нитями свисающих сережек.

Сами Небесные Духи, верно, давно не помнили, кто же в этих местах появился раньше: дубрава или же роща. Может быть, они первыми вложили кому-то из лесных обитателей желудь. И тот, не ведая того, перенес семя и уронил его на холме, где на следующую весну вдруг потянулся к небу, радуясь солнечным лучам, молодой крепыш, зеленый побег. Порос, выпуская продолговатые листочки с извилистыми краями. А может, в этих краях сперва зашумели на ветру молодые березки.

Скорее всего, и первые дубки, мощные и кряжистые, и тонкостенные красавицы с длинными сережками появились в одно и то же время, если не брать во внимание десятков-другой лет, с высоты оглядываясь на уже многие прошедшие века.

Немало десятилетий прошло, прежде чем могучие красавцы-дубы вплотную подобрались к сильно приблизившимся к ним скромницам-красавицам с белеющими сквозь густую листву стволами. И по обе стороны речушки вперемешку дружно росли и те, и другие. Рядом с кряжистым дубом покачивала на ветру своими ветвями стройная береза.

И уже намного позже вдоль поймы реки к тому месту, где сошлась дубрава с березовой рощей, поползли перемешанные друг с другом побеги осины и ольхи.

Не так ли сходились и народы возле слияния великой реки Волга и ее сестры Камы, Итиля и Чулман-су, с одной стороны – болгары, с другой – русичи, а снизу тянулись буртасы и другие...

Жадно и неопратно обглодав трепетный березовый лист, жирная зеленая гусеница выплюнула на его рваный край вязкую клейкую массу. Выждав, закрепила и, выпуская из себя тоненькую нить серебристой паутины, ухнула, понеслась она к земле...

Стремительная тень скользнула по шероховатой бересте. Чья-то нога, проворно быстрая, но столь же, по всей видимости, и неуклюжая, неловко зацепилась за узловатый корень, низко стелющийся по земле.

Взмахнулись вверх, теряя равновесие, худые и загорелые до черноты мальчишеские руки. С невероятной скоростью приблизился к широко раскрытым отроческим глазам неведомо откуда подвернувшийся в столь неподходящий миг толстый сук. И от столкновения с ним в них вспыхнули яркие язычки оранжевого пламени, и все разом потухло...

Невидимая глазу ниточка, по которой спускалась прожорливая гусеница, оборвалась, и она стремительно полетела вниз и угодила прямоком на тропку. По ней сновали взад-вперед ее главные враги – муравьи. Если, конечно, не брать во внимание многочисленных птиц, которые тоже бы оказались не прочь полакомиться ее жирным телом.

Шмякнулась жирная, в страхе свернулась в пушистый кружок, пряча свои самые уязвимые места. Но от скопища муравьев запросто так не отделаться. Они, словно по единой команде, со всех сторон набросились на свою жертву, пытаясь добраться до сочного тела, пребольно кусая его, взбрызгивая в него отраву, от которой гусеница вся оцепенела, мышцы ее расслабились, и она безвольно распрямилась...

Торжествующие насекомые, с немалым трудом расчленив длинное тело на три части, потащили его в сторону муравейника, не обращая внимания на то, что творилось вокруг них.

– Тиу-тиу! Ти-та! Клёк-клёк! Щелк-щелк! – несло со всех сторон.

Пернатые обитатели леса, придя в себя, чуточку успокоившись после недавней встряски, расселись по своим излюбленным веткам и сучкам.

Прихорашивались они, греясь в теплых лучах, чистили перышки, прочищали горлышки и затягивали трели. Каждый на свой лад. Не обращали внимания на тело подростка, неподвижно лежавшего внизу.

Над уткнувшейся в землю мальчишеской головой со стриженным затылком поднимались и распрямлялись примятые во время падения травинки. Поблескивающий черными подкрылками жук-усач с трудом выбрался из-под присыпавших его комков, сердито зашевелил рогами, пугая странно замершую голову, и тут же, потеряв к ней, неподвижной, всякий интерес, развернулся и поспешил по своим делам, продолжил путь, прерванный неведомо откуда-то на него навалившейся кучей.

Божья коровка, сбита на землю падающим телом, доползла до выпрямившегося во весь свой рост зеленого стебелька, поползла вверх. Блаженно закачалась букашка на макушке, расправив жесткие красные крылышки с черными точечками, заботливо суша их на теплом солнце от пропитавшей их за ночь росистой влаги.

Неутомимые трудяги-муравьи, обнаружившие на их тропке внезапно взгромоздившуюся преграду, страшно переполошились, вмиг нарушили строго установленный порядок движения. Но тотчас для устранения беспорядка появились огромные муравьи-стражники. Воины пребольно покусывали разбредающихся во все стороны бестолковых сородичей, способных выполнять лишь черную работу, трудиться от зари до зари, перетаскивая на спинах горы строительного материала и запасы пищи.

Не сразу, но воины все ж смогли навести порядок, отправили одних разведчиков в обход преграды, а других мурашей заставили лезть на нее в поисках наиболее короткого пути. И вскоре, разделившись на два потока, рабочие муравьи снова засновали вереницами вперед-назад.

Ничто не в силах оказалось прервать то, ради чего они существовали на матушке-земле. Ибо так сложилось с самого сотворения жизни...

Не всем трудягам-муравьям понравилось то, что нынче приходилось лезть в крутую гору, а затем спускаться с кручи. Некоторые в поисках более легкого пути сворачивали, залезали под одежду и, потеряв выход, начинали отчаянно кусаться.

Затуманенное болью от удара об толстенный сук сознание с трудом находило выход. В конце бесконечного коридора Вселенской пустоты после очередного поворота забрезжила узкая полоска света. словно ниоткуда, стали доноситься звуки. Мальчишеские губы раздвинулись, и послышался едва различимый стон. Судорожно зашевелились пальцы. Приподнялась рука, дотянувшись до лба, нащупала вздувшийся огромный шишак. Прошло одно мгновение, другое, и тут Узун все вспомнил.

Сокращая себе путь, он нарочно решил бежать через перелесок, где своими краями сходились вместе и вековая дубрава, и поразительной красоты березовая роща, и почти непроходимые заросли еще молодых побегов ольхи и осины. Мчался к берегам речушки, к тому месту, где воды было в летнюю пору всего-то по колено, и вспоминал о том, как отец как-то с усмешкой поведал ему, отчего же это именно в этом самом месте все чудно перемешалось. Всему будто бы первопричиной стала сама река. Якобы живительная вода притягивала к себе всю живность, а за нее следом тянулись и деревья...

Отец чудно поведал про то, как пришли в незапамятные времена племена и народы булгар на берега Итиля и Чулман-су.

Поначалу земли всем хватало, все жили обособленно, не общаясь со своими соседями. Позднее булгары начали селиться среди русичей на пограничных землях, а русичи стали переселяться к ним. Происходило смешение народов, и чем ближе к краям двух государств, тем больше. А потом уже из Дикого поля стали приходить степные племена, теснимые неведомыми народами под одним страшным названием – татары...

– Татары... татары! – тяжкий стон вырвался из его груди.

Пока он валяется, степные пришельцы хозяйствуют в их избушке. Отец послал его за помощью, а он, спеша, споткнулся, напоролся лбом на сук и, видно, лишился чувств. Надо ему бежать, бежать!..

Оттолкнувшись руками от податливо упругой земли, попытался он подняться, и ему хоть и не сразу, но все ж удалось встать. Парнишка постоял, опираясь об мощный ствол дуба. словно вбирал в себя его неиссякаемые силы. Собрался с духом и качнулся вперед. Зашагал, все быстрее. Перешел на бег, мягкий и пружинистый, как у дикой кошки...

С напрочь сбившимся дыханием, из последних сил добежавший до своего дотла разоренного жилища, Корт от беспредельного напряжения сузившимися глазами узрел, как за растрепанные волосы волочил проклятый татарин по земле его любимую женушку, и белки его болезненно подрагивающих глаз наполнились кровавым бешенством.

– Хатын! – прошептали его побелевшие губы.

Не помня себя, он рванулся, взмахнул топором, насаженным на длинную рукоятку, с хрустом вогнал стальное лезвие в спину врага.

– А-а-а! – полетел по верхушкам деревьев отчаянный крик.

Опешившие от неожиданности татары застыли, словно окаменели. Они, по-видимому, даже и не думали, что в дикой глуши может еще кто-то появиться. Не иначе, как Злой Дух опустился на землю.

– Мангус! Дьявол! – завопили монголы, пятясь назад.

Первым опомнился Кокчу, когда, выдернув свое страшное оружие, вторым косым ударом болгарин смахнул голову с плеч зазевавшегося и не успевшего увернуться монгольского воина.

Капустным кочаном катилась она по земле. Не мигая, таращились застывшие в ужасе, выпученные от мгновенно пронзившей боли глаза.

Оставшееся без головы туловище медленно оседало, словно бы еще пыталось справиться со своей невосполнимой утратой. Из рваной раны забил фонтан булькающими брызгами густой темной крови.

Но не видел этого Корт. Кошачьим прыжком он уже подбирался к следующему застывшему в ужасе врагу.

– Псы! – визгливо закричал десятник. – Чего стоите?! Он один! Рубите его! Валите его, пока я вам сам ваши глупые башки не снес!

Угрожающий крик начальника завернул, было, улетучившуюся от извечного страха перед неведомыми силами храбрость его нукерам. С пронзительным криком упал на землю еще один сраженный топором чужак. Но другие ошетинились длинными копьями, разом подступили к бортнику, воткнули в его тело наконечники, пронзив его насквозь.

– Гы-гы-гы! – изгаляясь, завизжали татары, поднимая копья вверх.

В диком крике-вое забились женщина, как сквозь густой туман, услышавшая, всем своим на куски разрывающимся сердцем понявшая, что муж, ее обожаемый Корт, с глухим стоном повалился на землю.

Лишь одинокая жгучая слеза обреченной тоски прокатилась по его искаженной болезненной судорогой щеке. Навеки закрылись его всегда добрые и ласковые к ней глаза. Нет больше ее любимого Корта. Нет того, кто смог бы и дальше защищать их. А потому она мирилась в душе со страшной неизбежностью и приготовилась к самому худшему...

Забившаяся в пахучее сено, Амина слышала доносившиеся до нее крики, только ничего не видела. Но по отчаянному материнскому воплю и ей стало понятно, что случилось нечто настолько ужасное, чего ей лучше вовсе и не видеть. В безотчетном движении она быстро-быстро заработала руками и ногами, спеша как можно быстрее ускользнуть из этого ставшего отныне и навеки проклятого места. Еще одно-другое судорожное движение, и вдруг податливая масса высушенной травы легко раздвинулась. Но вот вместо ожидаемого лаза девушка уперлась в деревянную стену. Ничего не видя перед собой, она промахнулась, выползла не к тому месту. И досадная промашка ей дорого обошлась...

Теперь не только Кокчу прислушивался к странному шуршанию, доносившемуся со стороны сеника. Кривоногий монгол, не дожидаясь приказа своего командира, засеменил в обход деревянной постройки и с гортанным торжествующим криком обнаружил чуть приоткрытую для вентиляции дверцу лаза. Приставив ухо к стенке, пережевывая губами, проследил он, как скрепки, отрывистое сопение все ближе продвигались к дыре. Сильная и жилистая рука ловко и бесцеремонно извлекла из лаза тоненькое и худенькое девичье тело. При виде полуобнаженной добычи воин громко взвыл от выплеснувшейся наружу дикой радости.

В два огромных прыжка Кокчу преодолел отделявшее их расстояние и оттолкнул рыаного подчиненного, окинув его суровым взглядом.

– Не тронь! Я первый ее заметил! Она моя!

Разгоряченный воин, подогретый жгучей обидой, хлестнувшей через край, выхватил засапожный нож и кинулся с ним на своего командира.

– Я ее добыл! Она моя!

Ловко увернувшись, рысью развернувшись и качнувшись вперед в коротком выпаде, Кокчу тупым концом копья сшиб бузотера с ног и крепко ухватил девушку за руку.

– Кто еще считает ее своей законной добычей? – угрожающе повел он головой, скаля зубы в улыбке, не предвещающей ничего хорошего.

Насупившись и угрюмо пригнув головы, воины молчали. Никто не хотел связываться с ним. Но по их виду Кокчу понял, что его решением забрать девку себе недовольны, по всей видимости, все. В чем-то они были правы. Каждый из них имел право на свою долю в добыче. Так же, как и их хан на десятую часть. А их командир решил все забрать себе.

– Бабу берите, – примирительно кинул он, кивая в сторону хозяйки, распластавшейся на земле. – С девкой решим. Нам нужен проводник.

Протащив Амину по двору, он толкнул ее, заставив опуститься на землю. Завел он руки назад, спутал их тоненькой волосяной веревкой, опрокинул девушку на живот, обмотал ноги и подтянул их к рукам.

В девичий ротик десятник, подумав, засунул кусок вонючей тряпки, чтобы девчушка молчала и не кричала. Встал, окинул взглядом своих молчаливых товарищей, шагнул к мальчонке.

– Знаешь дорогу к Биляру? – спросил десятник, больно выкручивая вмиг покрасневшее ухо.

– Нет! – пацан упрямо мотнул головой, на глазах у него от сильной боли выступили непрошенные слезы.

Криво усмехнувшись, монгол одним рывком подхватил маленькую девочку и приставил к ее горлышку кривой нож, и тотчас маленькая алая капелька проступила в месте укола.

– Ты же не хочешь, чтобы я перерезал горло твоей сестренке? – коварно улыбаясь, спросил Кокчу.

– Покажи им! – выкрикнула женщина, не в силах смотреть на то, как мучают ее ребенка. – Ты знаешь, как добираться! Покажи им! Покажи!

Уперев немигающий взгляд в подернутое мертвенной белизной лицо матери, рвущейся на помощь маленькой доченьке, десятник широко заулыбался – вид безмерно страдающей от своего бессилия женщины, муки на ее лице, мука и боль, затаившиеся в ее глазах, доставляли ему несказанное удовольствие. Досыта насладившись ужасным зрелищем, он вкрадчивым голосом произнес:

– Оказывается, малай знает, только не хочет признаться...

Покачав укоризненно головой, он, будто глубоко сожалея о том, что вынужден это сделать, и показывая всем своим видом, что виновато во всем неразумное поведение мальчишки, направил на него свой грязный палец с обгрызенным ногтем:

– А чтобы ты в следующий раз не вздумал нам врать, малай...

Неуловимым движением Кокчу вспорол ножом детский животик. Он глумливо захохотал, когда наружу вывалились перемазанные в крови все еще пульсирующие кишки. Высоко подбросил вверх бездыханное тельце, поймал его на наконечник копья, крутанув, откинул в сторону.

– Пришла пора заняться мамкой...

– Она заслужила подарка, наставив сына на истинный путь...

– Я! Я – первый! – выступил вперед кривоногий воин, протягивая к женщине похотливые руки.

С треском разошлась ветхая материя, обнажая тяжелые молочно-белые груди с крупными коричневыми сосками, и обступившие кругом наблюдатели сглотнули горячую слюну, переступили с ноги на ногу, оживленно загалдели, с нетерпением дожидаясь своей очереди...

Размазывая по лицу жгучие слезы отчаяния, Узун, низко пригибаясь, прикрываясь локтями от больно стегавших веток, бежал и бежал вперед, стараясь даже не думать о том, что может твориться у них дома.

Хорошо помня то место, где они обычно переходили речку вброд, он безошибочно выскочил к шумящему водяному перекату, искрящемуся под солнечными лучами. Высоко

задирая ноги, он прошлепал по воде, помогая себе руками и коленями, быстренько взобрался на кручу.

Теперь до аула осталось рукой подать...

Дозорный заметил, как вдоль берега, часто спотыкаясь, бежал к ним навстречу и быстро приближался какой-то неизвестный малай, и сразу почувствовал неладное, тронул поводья, понукая свою лошадь.

Его напарник, не понимая причин сильного беспокойства своего товарища, недоуменно оглянулся, потом затрусил следом.

– Там! Там! – тяжело дыша, пацан тянулся рукой в сторону леса.

Всем своим видом он хотел показать, что случилась непоправимая беда, а все нужные слова, как назло, застряли в пересохшем горле.

– Что там? – прищуриваясь, переспросил дозорный.

И ему мгновенно передалась гулко звенящая во всем мальчишеском облике тревога, сопровождаемая страхом и жутким отчаянием.

– Там... татары... наш дом...

– Твой дом там, за урманом? – в один миг напрягшиеся дозорные переглянулись: враг, оказывается, совсем близко!

– Мы живем на опушке дальнего урмана. Мой отец – бортник Нургали по прозвищу Корт...

Необъяснимая тревога вихрем ворвалась в аул вместе с всадником, за спиной которого сидел долговязый подросток.

Она катилась, бежала вместе с поднявшимся лаем собак, неслась за лошадиными копытами от дома к дому, пока не докатилась до избы, в которой располагался караулбаши.

– Первый и второй десяток, по коням! – скомандовал начальник выставленного в округе караула, выслушав краткий доклад дозорного.

Не время для длинных разговоров, его и так уже немало потеряно. Судя по объяснениям малая, незванные гости заявили ранним утром.

За это время солнечный диск успел подняться довольно высоко. Им придется немало постараться, чтобы догнать вражеских лазутчиков.

Скосив глаз, посмотрел на Узуна. Понятная жалость шевельнулась в его груди. Не хотелось думать о плохом, но ничего хорошего о судьбе близких мальчика он сказать не мог. Вряд ли кто останется в живых.

Разведчики обычно за собой полон не тянут – он сильно сковывает подвижность, мешает движению. Если только им «язык» понадобится. Да на что может сгодиться татарам простой бортник, чего он может им сообщить тайного о своей глуши? Если только им вдруг понадобится проводник, к примеру, до самого Биляра. Может, они туда и рвутся?

– Кинзя! – крикнул он. – Скачи к юзбаши, сообщи ему о татарах...

Он-то свое дело исполнит. А там уж сотник пусть сам принимает решение: докладывать ему о случившемся в Биляр или нет. А он свою задачу выполнит, выйдет на перехват чужеземных разбойников.

– Коня мальчишке! – распорядился он. – Заводного коня подберите! – крикнул караулбаши, остро чувствуя, как им овладевает нетерпение.

Скорее всего, непрошенных гостей на опушке урмана они не застанут. Их всех, видать, ожидает долгая погоня, и без запасного коня малаю не обойтись, иначе скоро отстанет.

Не дожидаясь особого распоряжения, Узун сперва ласково потрепал конскую шею. И лишь тогда он одним неуловимым движением ловко вскочил на подведенного ему мерина.

– Если ты метко стреляешь, как управляешься с лошадью, – хмыкнул гарцевавший рядом десятник, – то из тебя выйдет неплохой воин...

Через годик-два, а то и раньше, если, не дай тому случиться Аллах, никого из его родных в живых не останется.

Одна тогда дорога останется парню – идти в войско эмира. Впрочем, случись война, скоро все мужики в войске окажутся.

Натужно стонала под очередным мучителем несчастная женщина. А вокруг деловито сновали степняки, безмолвно подчиняясь коротким, отрывистым приказам своего угрюмого командира.

– Шевелитесь, времени мало...

Привычными и сноровистыми движениями завалив барана, монголы споро свежевали тушу, рубили ее на части. Чуть в сторонке разводился костерок, а над ним устанавливался вертеп. Воины в предвкушении горячей и жирной пищи потирали ладони – давно они уже не ели ничего другого, кроме засушенного творога. А тут еще вдобавок к баранине и зайчатина запекалась, жарились куски волчьего мяса.

В избе нашлось достаточно меда, свежего и выдержанного. Крепкая медовуха тоже пришла им по вкусу.

Раскрывшимися, застывшими от ужаса глазами мальчонка наблюдал за передвижениями врагов. Старался не смотреть туда, где лежала с распоротым брюхом сестренка, распростершись над бурой темнеющей лужицей из собственной крови. Судорожно отталкиваясь ногами, он долго елозил мягким местом по земле, пока не уперся в бок сестры.

– Амина, Амина, – словно в забытьи забормотал он, поворачиваясь лицом к ней. – Амина, Амина...

– Славненько! – негромко произнес задумчиво поглядывающий на них Кокчу. – Выходит, девочку зовут Аминой.

Пока подчиненные забавлялись с хозяйкой, глумились над бабой, он занялся своей отво-еванной и ставшей теперь его законной добычей. Не обращая внимания на все ее сдавленные крики, монгол бесцеремонно содрал тонкую рубаху, расплзшуюся на куски после первого же рывка. Ощупал жадным взглядом восхитительные линии стройных ног. Тяжело задышал, долго рассматривая темнеющий мысок из нежно выющихся коротких волосков, едва прикрывающих собой розовеющую складку.

– А-а-а! – от разливающегося алой краской на щеках нестерпимого стыда девушка исторгла из своей груди отчаянный крик и рванулась, вырвалась на краткое мгновение из цепких рук.

Пригибаясь к земле, прячась от взгляда нескромных и недобрых глаз, она бежала, двигаемая одной лишь мыслью: поскорее добраться до колодца и броситься в него. В то, что она сможет как-то убежать и тем самым спастись, Амина не верила. Для нее все стало ясно и понятно.

Ее спасение крылось в ее смерти. Ничего другого не оставалось. В противном случае ее ждало, нет, об этом она даже не хотела думать...

Мгновенно определив направление, в котором ускользала пленница, Кокчу все понял. Он увидел колодец и бросился вдогонку, огромными шагами быстро настигая убегающую девушку, которая ничего, кроме спасительного деревянного сруба, установленного над ним ворота, не видела и ничего иного, кроме застывшего в ушах собственного крика отчаяния, не слышала.

Еще шаг, еще один шаг... и вот ее руки уже уцепились за покрытое скользкой сырой пленкой дерево... еще одно усилие, один рывок... и она, наконец-то, будет спасена, навсегда избавлена от тягот и мучений их жестокого и бессердечного мира.

Вложив все силы в свой прыжок, десятник в полете вытянул руки и успел ухватиться за голую лодыжку. Падая, он резко дернул девичью ногу на себя, таща и подтаскивая упирающееся, хватающееся за все, что попало, тело к себе. Вскочил, удобно схватил, перехватил в

тали и понес к лошадям. Не выпуская Амину из рук, он порылся в переметной суме, вытащил нарядное платье.

– Одень! Живо! Убью! – пугая девушку, лишая ее последних сил к сопротивлению, угрожающе зарычал монгол.

Пока тащил свою отчаянно брыкающуюся пленницу, Кокчу успел оценить шелковистую гладкость ее кожи и теперь торопился скрыть эту красоту от чужих глаз. Нарыв в суме шаровары, кинул их девушке и только потом туго связал тонкой волосяной веревкой и руки, и ноги...

– Лежи! Не двигайся! – приказал он.

Ему следовало хорошенько подумать. Девушка все больше и больше нравилась ему. Наверное, многое что умеет. Жили хозяева избушки небедно. Живность кое-какая имелась, начиная от петушка и десятка кур и заканчивая парой дойных коров, жеребца и кобылы в стойле, не считая уже двух-трех коз. Может, и еще что-то водилось.

Работы по хозяйству немало. Значит, и на ее долю перепадало. Монгол думал об одном, но сказал совершенно не то, о чем мыслил:

– Не бойся меня, Амина, я не сделаю тебе ничего худого. Тебе и твоему братцу. После того, как он покажет нам дорогу, я вас отпущу...

– Врешь! – в прекрасных девичьих глазах вспыхнула и заплескалась лютая ненависть. – Развяжи меня!

Не отвечая, Кокчу шагнул к ней, ослабил веревку, стягивающую путы на ногах и руках, развязал ее, помог девушке сесть. С видимым наслаждением она вытянула ноги.

– Пей! – он протянул плоскую баклажку, доверху наполненную медовухой. – Сразу полегчает...

Насытившись, монголы вывели хозяйских лошадей, усадили на них болгарских пленников. Тела погибших товарищей втащили в избу.

– Бросьте падаль в избу, – распорядился Кокчу, тыкая островерхим носком кожаного сапога в бездыханное тело бортника и показывая пальцем в сторону распростертой на земле маленькой девочки.

– Что с бабой будем делать? – на десятника уставились наполненные блудом похотливые глаза. – Может, и ее с собой до Биляра возьмем. А там уже... Коней нам на всех хватит...

Воин потер ладони. Еще разок-другой позабавиться, а после уже прирезать глупую бабу где-нибудь в густом лесочке...

Словно угадав затаенные мысли ее безжалостного и глумливого насильника, женщина, чувствуя, как кровь прилила к лицу, собрав все свои силы, изловчилась, бросилась к ногам монгола. Выхватила из-за голенища его сапога кривой нож и, стиснув зубы, безмолвно воткнула она его себе в живот. Лучше смерть, чем позорная участь...

– Тащи ее в избу, – покривился Кокчу.

Тихо завывала, а потом и во весь голос заголосила безутешная в своем невыносимом горе Амина. Всхлипывая, тер кулачками глаза мальчонка.

Только что они вдруг осознали, что остались на этом беспредельно жестоком и несправедливом свете круглыми сиротами. Никогда уже больше не прижмет их мать к своей любящей груди, не одарит их отец скупой мужской лаской.

К плотно закрытым и для пущей надежности подпертым толстым дрючком дверям избушки, словно мертвецы могли бы покинуть ее, натаскали большими охапками сено и подожгли...

Когда к избушке бортника на взмыленных лошадях примчался отряд из соседнего аула, поднятый по тревоге сообщением Узуна, деревянное строение полностью выгорело, обрушив-

шаяся крыша дотлевала. Там, где раньше высились стены, мерцали одни обуглившиеся головешки.

Посередине того, что недавно стояло избой, лежали полуобгоревшие трупы. Каким-то странным образом огонь не сильно задел их.

Жаркие языки пламени только местами полизали тела и почему-то отступили, странно не докончив своего черного дела, не скрыв следов преступления, не упрятав их навсегда в Вечности забвения.

Почти не пострадало в огне ангельское личико маленькой девочки. Запекшаяся кровь еще сильнее обнажила страшную рану в ее животе. Рядом с ней лежала ее истерзанная мать. И у нее в животе зияла рана...

– О, Аллах! – непонимающе прошептал воин-булгарин, горестно вздымая обращенные внутрь ладони. – Как же их, таких, после всего этого носит земля? Как же это, как?

На воткнутом посреди всего двора колу торчала волчья голова с ощеренной пастью и навечно потухшими глазами. Они равнодушно смотрели на то, что натворили двуногие звери, что прервали их охоту.

– Так, безжалостно и бессмысленно, могли поступить только дикие звери. Нет, это нелюди! – проведя ладонью по лбу, с затаенной лютой ненавистью глухо проронил караулбаши.

– Догнать их и отомстить. Таким не место на этом свете...

Оставленные следы ясно указывали, куда следует направить погоню. Они четко вели в сторону столицы булгарской державы – Биляра.

Караулбаши понимающе присвистнул. Нетрудно было догадаться о том, что степняки задумали худое. И для осуществления воровского замысла им потребовался проводник. Иначе, зачем бы им оставлять в живых мальчонку и брать его с собой. А вот сестру малая, явно, взяли в полон, в женки себе или на продажу...

– Ты! – ткнул он пальцем в нукера. – Живо скажи к развилке. Там дождешься отряд, который вышлет к нам на подмогу сотник Касим.

– А ежели подмога не придет? – живой глаз молодого воина озорно прищурился. – Их не больно много. Мы и сами с ними справимся... – он всем своим видом показывал, что не хотел в этот момент отделяться от своих товарищей. – Это... может, я с вами...

Понимал воин, что пока он будет разъезжать, дело-то и закончится. Поймают татар, и всем почести. А он, как ненужная кость, в стороне останется. Когда еще придется встретиться в открытую с врагом.

– Делай, что сказано! – караулбаши сурово свел брови. – Не зря они тут появились! Может, то только разведка или часть основных сил... Кинзя знает, что сотнику сказать. Касим обязательно помощь пришлет, сам поедет... Командир не из тех, кто отсиживается за спинами своих людей, сам первый рвется в стычку...

Отряд на верховых лошадях, ведя за собой заводных коней, втянулся в дремучий урман, и тут Кокчу повеселел. Едва видимая глазу тропка змеилась между стволами в два обхвата вековых деревьев. Для верности они пересекли журчащий ручеек, поднялись вверх по его течению.

Теперь их никто уже не найдет. Да и искать их вряд ли кто станет. Кто вспомнит о живущей в непролазной глуши семье бортника? Раньше осени никто не вспомнит, не кинется их искать и не потревожится.

– Зачем им дорогу показал? – свистящим шепотом зашипела Амина, на широкой прогалине поравнявшись с братишкой.

От неудобного положения у нее страшно ныли сведенные назад руки. Она вся измучилась. Езда со связанными ногами давалась ей нелегко. Но больше всего ее мучила мысль о том, что они оказывают услугу врагу, показывают врагу путь к столице. Не ради доброго дела собрались в дорожку чужеземные изверги.

– Они, апа, обещали отпустить нас! – наивно улыбнулся малай.

– Ох, и дурачок же ты, Петушок! – Амина до боли закусилла нижнюю губу и отвернулася, чтобы скрыть свои слезы, нажимом пяток послала свою лошадь вперед.

Какой же ее братец наивный малец! Разве можно доверять словам тех, кто без тени сомнения в глазах зарезал их сестренку, глумился над их матерью, а следом и ее лишил жизни? Нет, просто так их уже никто не отпустит. Насколько ей стало понятно из взглядов вожака татей, она сильно понравилась ему. И он, скорее всего, хочет сделать ее своей...

Горькая слезинка выкатилась из девичьего глаза, скользнула по щеке и сорвалась, подхваченная встречным ветром. О, Аллах! За что страшно наказывают ее? За что и какие преступления упали на ее слабые плечики тяжкие испытания? Вот на что, оказывается, намекала ей мать, уводя в сторону тревожно мечущийся взгляд, рассказывая о том, какая доля с рождения уготована для большинства женщин. Не многим из них повезет выйти замуж по любви и прожить всю жизнь счастливо.

Много-много тяжких бед и порой невыносимого горя поджидает их на неизведанном ими жизненном пути.

– Ты, Петушок, – снова поравнявшись с братцем, глухо проронила она, – милости от татар не жди, при первой же возможности тикай...

– Нет! – упрямо мотнул головой малец, – я не брошу тебя! Они тебе учинят худое, если я от них утеку. Амина, сестрица!

– Дурачок! Мне они ничего не сделают, а тебя потом... – не в силах даже высказать дурное, девушка отвернулася в сторону, на мгновение зажмурила глаза. – Ты... ты ничего не понимаешь...

Девушка тяжело вздохнула. Ей-то, по всей видимости, пока ничего не грозит. А вот от брата ее татары избавятся, как от лишней обузы. И сотворят оное, как только он приведет их в нужное место.

– Куда же они направляются? – спросила она, пытаясь определить, сколько времени у них еще осталось до того, как приедут на место.

– Им зачем-то понадобилась Кривая Балка. Помнишь, как-то мы в ней останавливались, когда отец возил нас в Биляр? Оттуда до города рукой подать. Там они нас, верно, с тобой и отпустят...

Будто спиной почуявший за собой неладное, Кокчу обернулся. Он заметил, как его пленники переговариваются, и лицо его нахмурилось.

Он не решил для себя, как поступить с мальчишкой, хотя оставлять в живых младшего брата девочки смысла особого для себя не видел.

Хотелось ему обставить все хитро, чтобы выглядеть в глазах Амины не жестоким убийцей, а, напротив, человеком слова. Тогда и красавица будет к нему благосклонна. Ему-то ее обмануть труда не составит. А там, со временем, все само и образуется, стерпится-слюбится...

Глава II. Поющий гонец

Длинный и извилистый овраг брал свое начало у подножия высокого холма и тянулся вдоль ровного поля, втягивался в дремучий урман. Позволял скрытно подобраться к самому городу, служил он от любопытствующих глаз хорошим укрытием.

Этим частенько пользовались недобрые людишки, тихо отсиживаясь в нем. Стражники эмира время от времени устраивали облавы.

Но яр был слишком велик, извилист и испещрен многочисленными овражками, а потому старание воинов к успеху не приводило.

Командиры высланных на поиски отрядов рапортовали об успешном проведении облав, а разбойнички в это время собирались где-нибудь на поляне в дремучем урмане. Лишь после того, как за дело взялись всем миром, шайки воришек и грабителей удалось изловить.

И каким же стало всеобщее удивление, когда оказалось, что в их ряды затесались сплошь люди пришлые. Не из здешних мест, не болгары по рождению. А все больше из соседних кочевых полудиких племен и народов: буртасы, кыпчаки и башкирцы с мадьярцами, узкоглазые и черноволосые, грязные и страшные на вид.

И после того худая слава Кривой Балки пошла постепенно на убыль. Все больше в ее извилистых оврагах копошился уже мастеровой люд, добывал жирную, лоснящуюся на свету красную глину.

Ее большими возами свозили ближе к городу. Искусные умельцы, храня от других свои секреты, замешивали из нее тесто, укладывали в формы, сушили на солнце, затем обжигали. По сравнению с природным неотесанным камнем кирпич имел большие преимущества.

Кладка с его помощью велась легко, стена получалась на удивление ровной и прочной. С ним не столько возни и мороки, как с камнем...

Неподалеку от пары узковатых глаз, внимательно наблюдавших за разрезанным надвое полем, под неосторожной ногой степняка, в этом дремучем лесу быстро потерявшего свою самонадеянную уверенность, хрустнула сухая веточка, и сотник Угтах вздрогнул, нервно поежился.

– У, мангусы! – проворчал он.

Томящее и изводящее душу, неприятно гнетущее предчувствие, чуть было отступившее в затаенные уголки, на время запрятавшееся после сытного завтрака, вновь накрыло тревожной волной, обдало холодком, докатившись до костяшек пальцев, занывших ломящей болью.

– Чтобы ваши души проклятый Эрлик-хан к себе забрал!

Дремучие и непроходимые урманы пугали сына привольных и, как ему в далеком детстве казалось, попросту не имеющих границ степей, наводили суеверный страх. Привыкший к беспредельным просторам Великой степи, в замкнутом и узко ограниченном пространстве сотник терялся, попадая всякий раз в тупик, совершенно не понимая, что ему делать и как правильно поступить в том или ином случае.

Будь они все посреди бескрайней равнины, безошибочное решение пришло бы само собой. А тут сотник чуть ли не панически боялся каждой отбрасываемой могучими деревьями тени. И страх его имел под собой одну вескую причину, наличие которой Угтах скрывал от своих сородичей, как мог. Прошло всего-то чуть больше десяти годков с того самого памятного дня, оставившего на всю жизнь страшную зарубку. Тогда он, сваленный с коня могучим ударом тупым концом короткого копья, угодил в позорный плен к неизвестным им доселе булгарам.

– Вот я вам всем! – погрозил он кулаком неизвестно кому.

По воле Повелителя Вселенной их занесло столь далеко от родного Онона, что они уже и не надеялись вернуться обратно.

Шах Хорезма Мухаммед бежал от праведного гнева великого кагана. И после того, как к их ногам пал поверженный Самарканд, Чингисхан отправил в погоню за грязной собакой, носившей на пальце кольцо Сулеймана, своих лучших и талантливых полководцев: импульсивного и неистового Джебэ-нойона и, в противовес первому, спокойного и рассудительного Субэдэй-багатура, дал им в помощь самолюбивого и непослушного Тохучара...

...Призванные к Повелителю весной года Дракона (1220) немедленно прибыли они в его огромную шелковую юрту и подобострастно пали на толстый войлок перед золотым тронem. Задумчивый и отрешенный, Чингисхан, несмотря на свой возраст, с выпрямленной спиной сидел на правой пятке, обнимал рукой левое колено.

Повернув голову, Субэдэй единственным глазом косился на того, кого знал еще юношей. Тогда сына Есугэй-багатура звали Темучином.

Весь огромный улус, оставленный ему отцом, разбежался, а большая семья будущего повелителя Великой степи, Великого хана всех ханов, влачила самое жалкое существование. Но уже тогда чувствовалось, что дерзкого потомка Борджигинов ждет великое будущее.

На остриженную голову каган надел привычную мягкую меховую шапку с вшитым в нее большим изумрудом, по краям которой свисали хвосты черно-бурых лисиц. Его серо-зеленые кошачьи глаза, до самых краев наполненные тихой отрешенностью, прояснились и пристально смотрели, налившись стальной беспристрастностью, на склоненных перед его величием неподвижных багатуров. Выдержав долгую и крайне томительную паузу, «Единственный и Величайший» заговорил низким хриплым голосом с едва заметным придыханием:

– Лазутчики сообщили, что сын желтоухой собаки, грязная жирная собака хорезмшах Мухаммед, тайно покинул, бросил войско. Петляя, как трусливый заяц, и замечая все следы, как старый загнанный лис, Мухаммед мелькнул на одной из переправ через реку Джейхан...

Подрагивающие от гневливого возмущения веки кагана прикрылись. Он не стал называть вслух то, о чем его ближайшие соратники знали и сами. Кривая усмешка скользнула по его высохшим губам:

– Трусливый шакал везет с собой несметные богатства, накопленные за сто лет шахами Хорезма. Его надо поймать раньше, чем он сможет на свои деньги набрать новое большое войско...

Хотя, кто сейчас встанет под знамена того, кто сам бежал от своего же войска, позорно бросил его и всю свою страну в самую трудную для отечества минуту. Разве этакий трусливый правитель способен собрать новое войско, поднять своих подданных на войну?

– Мы даем вам, – каган пристально посмотрел в глаза Джебэ, потом медленно перевел свой взгляд на Субэдэя, – двадцать тысяч всадников, два ваших тумена...

Полководцы согласно закивали. Этого им сполна должно хватить. Чем больше войско, тем оно становится неповоротливее.

– Если же вдруг у Хорезмшаха, – в глазах у Чингисхана замерцали таинственные огоньки, – окажется эдакое войско, что вы подумаете: можно ли вступить с ним в схватку, то воздержитесь от боя... Только глупец безрассудно сует голову в петлю, не страшась ее смертельного обхвата. Но тотчас про все меня известите!

Серо-зеленые глаза кагана сузились и яростно засверкали.

– Тогда я пошлю Тохучар-нойона, и он один справится там, где вы вдвоем не сумеете победить...

С пола послышалось возмущенное сопение нойонов, и великий хан позволил себе снисходительную улыбку и добавил, смягчая свой тон:

– И все же мы думаем, что наше повеление сильнее, чем все войска Мухаммеда. Знайте, что пока вы не будете тащить вислоухую собаку Мухаммеда на цепи, ко мне не возвращайтесь!..

Чингисхан дал им понять, что пока его нойоны не найдут кольцо китайского императора, украденное мусульманами, он не желает никого из них видеть. Только исполнив его поручение, могут они вернуться.

– Если же разбитый вами в пух и прах шах с кучкой своих негодных людишек будет от вас в страхе убегать, чтобы спрятаться от моего гнева в высоченных горах или мрачных и темных пещерах, как злой дух, исчезнет на глазах людей, то вы все и всех уничтожающим ураганом пронеситесь по его владениям, не оставив ни клочка и пяди земли без своего зоркого взгляда...

Нойоны выпрямились. Драгоценный перстень должен быть найден, чего бы это ни стоило. На это нельзя жалеть ни времени, ни сил...

– И помните! Всякому городу, проявившему покорность, окажите милость и снисхождение, оставьте там небольшую охрану и правителя, строгого и неподкупного. Мне нужные

живые и послушные подданные. Что толку в мертвецах, от них один смрад. Но всякий город, вставший по своей непомерной гордыни на путь сопротивления, немедленно без всякой жалости берите приступом! Не оставляйте там камня на камне и обращайтесь все в угли и пепел!..

Какое-то время слышалось одно лишь тяжелое дыхание Повелителя Вселенной. Потом он поднял глаза и с язвительной улыбкой добавил:

– Мы думаем, что наше повеление вам не покажется трудным...

Одноглазый Субэдэй молчал. Он был слишком хитер, чтобы задать первым нелегкий вопрос. Но не таким был порывистый Джебэ-нойон.

Ему терпения никогда не доставало. Он выпрямился и спросил:

– О, Единственный и Величайший! Если же шах Хорезма самым чудесным образом будет убегать от нас, вестников твоего праведного гнева, все дальше и дальше на заход солнца, сколько же времени нам гнаться за ним и удаляться от твоей шелковой юрты?

Вперив свой единственный глаз в угол, Субэдэй с нетерпением ожидал ответа кагана, хотя знал его наверняка. Пока они не найдут кольцо китайского императора, дорога назад им заказана.

От китайца Елю-Чу-Цая он знал историю перстня, который был послан властителем Парфии в подарок императору Поднебесной, но по дороге его украли. Великий шаньюй хуннов Модэ носил его на своем пальце. А после следы перстня теряются. Кольцо всплывает то в одном, то в другом месте. По некоторым сведениям, перстень оказался в руках правителей тюркского каганата, которые считали себя наследниками былой великой империи хуннов, создателями Вечного Эля.

Теперь якобы владельцем кольца был Мухаммед...

Словно поверху, прошелестел свистящий голос Чингисхана:

– Куда бы ни убегала от вас эта жирная собака, вы будете гнаться за Мухаммедом до конца Вселенной, пока не увидите Последнего моря.

Кряхтя и поеживаясь, Субэдэй-багатур, изогнутый и кривобокий, поднял коротко стриженую голову и прохрипел:

– Если шах Мухаммед обратится в рыбу, скроется в морской бездне?

Сморщив в недоумении лоб, собрав вместе тонкие линии морщин, задумчиво почесав переносицу, хан монголов перевел на своего верного полководца недоверчивый взгляд, словно пытался проникнуть в его самые потаенные мысли.

– Небесные Духи помогают ему? Или Аллах пошлет ему на помощь джина? Сумеете схватить его раньше! Разрешаем вам отправиться!

Поняв, что аудиенция уже закончилась, оба полководца поднялись с колен и попятились к выходу.

Тот, что был помоложе, почтительно не поднимал глаз. Тот, что был постарше, всего лишь делал вид, что он соблюдает приличия.

Войску было велено преследовать Хорезмшаха, хоть до края света, и не возвращаться, пока он не будет захвачен или убит. И больше всего Повелителя Вселенной интересовал древний перстень с таинственными и магическими заклинаниями Царя людей и всех зверей.

До самого Мазендерана тумены не останавливали своих лошадей. Там им, монголам, удалось захватить бессметную казну шаха и весь его многочисленный гарем. Однако сам Мухаммед словно в воду канул. В его поисках отряды разделились.

Джебэ огнем и мечом прошел весь Мазендеран до Гиляна, а Субэдэй рыскал к югу от хребта Эльбрус. Когда пришло к ним известие о том, что Хорезмшах издох, как самая последняя собака, на переходе 1220-1221 годов брошенный всеми своими приближенными на пустынном острове в Абескунском (Каспийском) море, они стали вопрошать своего кагана о том, что им делать дальше. Кольцо не нашлось...

Не умевшие писать Субэдэй и Джебэ, чтобы послать свое важное донесение к кагану, призвали тогда к себе нукера по имени Угхах, умевшего петь старинные песни про битвы их великих багатуров.

Боясь, что гонец может исказить смысл их послания, монгольские военачальники составили свое донесение в виде песни, которую Угхах должен был заучить наизусть. Его заставили повторить слова девятью девять раз. Число девять всегда считалось у монголов священным. Оно должно было помочь запомнить все от слова до слова...

Вспоминая те дни, сотник Угхах блаженно прищурился. Столько лет прошло, а все, словно недавно только с ним случилось. Все так и стоит перед глазами... Тогда он был молод и по-юношески беззаботен.

Его послали к Чингисхану, в ставку хана на равнине близ города Несефа (Карши) к юго-востоку от Бухары, богатой раздольными лугами со свежей зеленой травой и чистыми водами. Кругом кишели шайки разбойников. По всем дорогам шатались оборванные, голодные солдаты разбитой армии Хорезмшаха. Неблизкий путь был весьма опасен из-за дерзких нападений и грабежей. Голодные беглецы, покинувшие свои сожженные дотла жилища, с отчаянной дерзостью добывали еду. Для надежной охраны гонца выделили триста храбрых нукеров.

Всю дорогу Угхах беспечно распевал, развлекая своих молчаливых и суровых спутников, старые песни про голубые монгольские степи, про лесистые горы, про стройных и красивых, столь же скромных девушек родного Керулена, похожих на алое пламя костров.

Но, памятуя о важности порученного ему дела, он ни разу не пропел вслух донесение пославших его Субэдэя и Джебэ. Зато по ночам он с усердием беззвучно шевелил губами, проговаривая письмо про себя.

Когда они благополучно прибыли на место стоянки великого кагана, гонца провели через девять застав таргаудов-телохранителей, очистили густым дымом священных костров.

Наконец, Угхах подошел к желтому шелковому шатру, который на ослепительном солнечном свете переливался, будто золотой. Чистым золотом была оббита дверца шатра. Сквозь пелену изумления гонец разглядел по сторонам от входа необычайно красивой стати жеребцов: одного молочно-белого, другого саврасого. Обоих коней привязали крепкими волосяными веревками к литым золотым приколам.

Подавленный невиданной роскошью, Угхах, как подкошенный, упал на землю ничком. Он понял всю свою ничтожность, и страх сковал его.

От безотчетного и благоговейного ужаса от того, что придется ему встать перед глазами самого великого человека, гонец окончательно потерял дар речи. Сами по себе коленки его задвигались, и тело его предательски поползло назад, во что-то уперлось, жесткое и твердое, и замерло. Так он и лежал на земле, пока два силача из числа таргаудов не подняли его под руки и не втащили в юрту, бросив на толстый и мягкий ковер перед Повелителем Вселенной.

– Говори! – шевельнулись губы владыки монголов и всей Великой степи, подобравшего под себя ноги по степной привычке, сидевшего на широком троне из чистого золота. – Что хотят мне сообщить мои верные нойоны? Они поймали вислоухую собаку Мухаммеда?

Толчок в зад, видно, помог, и Угхах сумел собрать в кулак все свое потерявшееся, разбежавшееся по дальним закоулкам души мужество.

Он чуть приподнялся, с закрытыми глазами, стоя на коленях, тихим, подрагивающим голосом начал петь:

Донесение Единственному и Величайшему!
От его двух старательных нукеров,
Верных псов, Субэдэй-багатура и Джебэ-нойона...

Запев, Угхах обо всем позабыл. К нему пришла былая уверенность, и он залился высоким голосом, как пел монгольские былинные песни:

Сын бесхвостой лисы, Мухаммед Хорезмшах,
Кончил жизнь свою никчемную в шалаше прокаженного,
А змееныш его, непокорный Джелаль эд-Дин,
Ускользнул вертким ужом через горы Иранские,
Там бесследно и исчез он, растворился, как дым.
Мы покончили с ними! Идем на Кавказ.
Будем драться там с народами встречными.
Испытаем их мощь, сосчитаем войска.
Пронесемся по степям кыпчакским,
Там дадим мы коням отдохнуть.
Мы запомним пути, мы отыщем луга
Для коня твоего белогривого,
Чтобы мог ты на Запад грозой налететь,
Подогнув под колено Вселенную,
И накрыть все монгольской рукой...

Слушая певца, Чингисхан утвердительно качал головой. Мудрый его Субэдэй, словно на расстоянии, угадал, прочитал его мысли.

К тому времени он знал, что, убегая от своей армии, шах Хорезма передал своему сыну султану Джелаль эд-Дину перстень с магическими заклинаниями вместе с властью, поняв всю тщетность собственных попыток возглавить сопротивление, всю свою никчемность.

А потому дальний поход двух туменов монголов с того момента превращался в глубокую разведку боем для подготовки нового великого похода на страны заходящего солнца...

В мире нет таких сил, чтобы нас удержать
В нашем беге до моря Последнего.
Там, зеленой волной пыль омывши копыт,
Мы курган накидаем до самых небес
Из отрезанных нами голов.
На кургане поставим обломок скалы,
Твое имя напишем, священное.
И тогда лишь коней повернем мы назад,
Чтоб умчаться обратной дорогою
Снова к юрте твоей золотой...

Еще звучали последние отзвуки песни, затихая в шелках, а гонец уже крепко-накрепко зажмурился. Раскрыл потом Угхах свои очи и впервые взглянул в серо-зеленые глаза, порой брызжущие дикой свирепостью, недоступного простым монголам владыки. И снова на него накатил безотчетный страх, с головой накрыл его волной. Пораженный своей собственной дерзостью, он снова упал ничком.

Великий каган сидел, привыкший, видно, к такому, невозмутимый. Лицо стало непроницаемым. Прикрыв глаза, он, кивая седой бородой, должно быть, с видимым удовольствием чесал голую пятку.

Для всех он был великим, в душе же он чувствовал себя уставшим от всего стариком. Магический перстень снова куда-то бесследно исчез, а все попытки разузнать о бессмертии окончились безрезультатно...

Постепенно мысли кагана вернулись от прошлого к настоящему. Он с накопленной сполна за долгую жизнь вялой усталостью посмотрел на распростершегося перед ним гонца и в задумчивом раздумье проронил:

– Ты хороший монгол... у тебя горло, как у дикого гуся...

Чуть приподняв голову, Угхах заметил, как Чингисхан левой рукой, не глядя, порылся в желтом шелковом мешочке, висевшем на ручке трона, достал оттуда кусок запыленного сахара, поманил певца к себе и втиснул сладость в его дрожащий рот.

Сахар из тростника, привезенный из Египта и Индии, представлял невиданную собой роскошь, был большой ценностью, недоступной для простых монголов. Глядя на вздувшуюся щеку певца, каган произнес:

– Джебэ-нойона и Субэдэй-багатура рано еще хвалить...

К великому его огорчению, они не смогли разыскать магического перстня, следы которого снова затерялись, скрывшись за пеленою недомолвок и недоговорок.

– Посмотрим, удачно ли закончится их поход... Смогут ли они что-то... или нет. Ответное наше слово мы пришлем с особым гонцом...

Небрежным движением пальца каган отпустил сладкоголосого гонца. Угхаха досыта накормили и вдоволь напоили кумысом. Не забыли и про сопровождавшую его охрану. На другой день все они отправились догонять ушедшие далеко вперед монгольские тумены.

От великого кагана последовал незамедлительный ответ: их поиски перстня продолжить, завоевать все непокоренные области государства Хорезмшахов – Арран, Азербайджан и Ширван. Далее Чингисхан им повелевал следовать, идти до города Кивамень – до русского великого града Киева – и лишь тогда, если ничего не найдут, возвращаться назад.

В лето 1221 Джебэ и Субэдэй – два гончих пса великого кагана – с присущим им рвением взялись за выполнение порученного им дела.

Как огромные черно-чешуйчатые змеи, в мертвенном оцепенении проспавшие всю зиму, выползают весной из-под корявых корней могучего старого платана на открытую поляну, залитую радостным светом, и, отогрившись в теплых лучах, угрожающе шелестя тихим ужасом, скользят по узким тропинкам, то соприкасаясь, то разделяясь, и внушают панический трепет всем убегающим зверям и кружащим над ними обеспокоенным птицам, так и тумены стремительного Джебэ-нойона и осторожного Субэдэй-багатура, то растягиваясь длинными и упругими ремнями, то собираясь вместе шумным и пестрым скопищем коней, топтали плодородные поля вокруг объятых ужасом городов и направлялись на заход солнца, оставляя позади себя почерневшие от копоти развалины с обгоревшими и раздувшимися трупами.

Передовой отряд, посланный Чингисханом, бурей прошелся по северному Ирану, разгромив города: Хар, Симиан, Кум, Зенджан...

На своем пути монголы пощадили только богатый город Хамадан, хитрый правитель которого выслал вперед с почетным посольством богатые подарки: большой табун дивных верховых лошадей и караван верблюдов, нагруженных шелковыми одеяниями. Из десяти паланкинов выглядывали испуганные девичьи личики под тончайшими вуалями.

Неожиданно тяжелая и упорная битва случилась в Казвине, где во время штурма потевшие всякую надежду на спасение мирные жители отчаянно дрались длинными ножами. Рядом с мужчинами плечом к плечу стояли их жены и сестры. В отместку Казвин дотла сожгли.

Суровые и холодные зимние месяцы застали тумены монголов возле иранского города Рея (близ нынешнего Тегерана). Разосланные во все концы отряды пригоняли в эти места стада баранов, отборных коней, покладистых верблюдов с тюками теплой одежды. Это позволило почти безболезненно переждать непогоду и сохранить силы до прихода весны.

Когда под проглянувшим весенним солнцем зазеленели склоны гор, монгольское войско без боя заняло столицу Иранского Азербайджана.

Тебриз – большой и богатый город решил не испытывать судьбу и сдаться без боя, выслал монголам ценные дары. Согласившись на мир, Субэдэй и Джебэ не стали разорять его. Не тронув города, их тумены двинулись дальше и подступили к столице Аррана Гандже.

Видя крайне бедственное положение ближних соседей, чванливые и высокомерные за высокими и неприступными крепостными стенами, но весьма трусливые и плохие воины в ближнем бою, грузины решили половить рыбку в мутной водице пронесшегося урагана бедствий по многострадальной азербайджанской земле, пограбить своих несчастных соседей. Однако большое грузинское войско наголову было разбито двумя туменами монголов и рассеяно, как пыль.

Монгольские военачальники не решились штурмовать Ганджу, зная о том, что в тылу у них появился новый неприятель, потребовали от защитников серебра и одежд, что им выдали, отступили и повернулись в сторону грузин, которых и разгромили.

Остатки подлых грабителей стекались в родные земли, как весною многочисленные горные ручьи. Страна поспешно собирала новое войско, а степняки по следам горе-воjak сами направились в Грузию.

Там они нанесли сокрушительное поражение главным силам грузин. Хотя спесиво горделивые горцы по численности своей превосходили воинственных чужеземцев в два, а то и в три раза, разгром их стал полным – погибло около тридцати тысяч воинов. На этот раз впереди с главными силами шел Субэдэй, а Джебэ с пятью тысячами всадников укрылся в засаде. При первой стычке монголы, как всегда, притворно обратились в бегство. Потерявшие же всякую осторожность грузины погнались за ними. Воины Джебэ бросились на них из засады, а вот всадники Субэдэя, повернув обратно, обхватили несчастных и уже обреченных своей разудалой атакой грузин со всех сторон и перебили. Все Закавказье в одночасье вынуждено было признать власть монголов.

А Джебэ и Субэдэй, помня наказ Повелителя, не остановились. В их умных и дерзких головах созрело важнейшее решение, к которому могли прийти только они одни: Ширванским ущельем броском провести свои войска сквозь весь Кавказский хребет и появиться в степях Северного Кавказа, где обитали аланы и западные кыпчаки (половцы).

Конное войско монголов не стало забираться вглубь горной страны грузин. Монголы побоялись заходить в районы, пересеченные горными ущельями с воинственным населением. Отягощенные богатой добычей, монголы покинули пределы Грузии.

Воины шепотом, десятники и сотники вполголоса сипели о том, что им тесно в этих каменистых ущельях, неприветливо нависающих со всех сторон скалах. Степняки потерянным взглядом искали нечто похожее на их родные равнины, где привольно пастись их коням.

По пути безжалостно вырезав город Шемаху, тумены направились к Ширванскому Дербенту. Пораженный видом неприступной крепости, возвышавшейся на крутой горе, Джебэ-нойон долго ходил из угла в угол своего походного шатра. В одиночестве искал он нужное решение.

Брать приступом Дербент нойон не решился. Он послал к шаху Рашиду, укрывшемуся в крепости гонца с требованием:

– Пришли ко мне твоих знатных беков, чтобы мы заключили с тобой дружественный мир.

В страхе перед завоевателями шах решил не испытывать судьбу и пойти на заключение мира с неведомо откуда появившимся народом. Посовещавшись, он отправил на переговоры десять родовитых старшин.

Перед монгольским военачальником предстали дородные аксакалы. Все они старались не подавать вида, но руки у них мелко подрагивали, спутанные бородавки подергивались, а их заплывшие жиром мелкие глазенки бегали из стороны в сторону, не находя себе места.

Чтобы усилить это угнетающее своей туманной, а оттого пугающей до ужаса неопределенностью впечатление, Джебэ-нойон выхватил свой кривой меч и на глазах у всех зарубил бека, чей взор трусливо не прятался, а гордо направился на начальника монголов.

– Ах! – леденящий душу страх подавил все остальные желания, и с того самого момента беки молили Аллаха о том, чтоб живыми поскорее унести свои ноги с этого страшного места, приготовились тотчас же выполнить любое требование наглых чужаков.

Понимали они, что их жизнь ныне всецело зависит от монгольского командира, за спиной которого стояли угрюмые узкоглазые степняки.

– Мы не тронем город, – Джебэ-нойон хищно прищурился, – если вы покажите нам проход через горы. Дайте нам надежных проводников, чтобы наше войско могло пройти через горы. И всем вам будет пощада.

– Мы дадим, дадим вам проводников! – дружно закивали седые бородавки. – Они укажут вам путь.

Кто-то уже облегченно вздыхал, кто-то под шумок выпускал из себя злые газы, отчаянно кляня свои слабые животы. Но на этом их беды, увы, еще не закончились.

– Ты и ты! – Джебэ ткнул пальцем в животы двух беков. – Вы оба поедете в город и выполните свое обещание. К полудню проводники должны ожидать в моем лагере. Остальных мы отпустим только тогда, когда благополучно пройдем через горы...

Ширванским бекам пришлось подчиниться всем требованиям. Они молили Аллаха о том, чтобы он дал им избавление от этой свалившейся на их головы напасти в лице грозных и неумолимых татар.

Присланные шахом проводники показали войску короткую дорогу и сами провели его, обойдя Дербент, горными тропами, показали путь на кыпчакские равнины. И только тогда, когда под копытами их коней расстелилась ровная степь, монголы отпустили стариков-посредников, а сами направились дальше на полночь...

Спустившись с гор, чьи заснеженные вершины остались уже позади, монголы двинулись против алан, воинственных не менее чем они сами.

На помощь аланам из обширных полных степей пришло много лезгин, черкесов и кыпчакских отрядов. А потому легкой прогулки, как по Грузии, у степняков тут не получилось. Гордые и свободолюбивые аланы договорились с половцами, и вместе они остановили передовые отряды незваных пришельцев. Монголы бились с ними до вечера, но силы оказались равными, и никто не одержал решительной победы.

Встретив вдруг неожиданно упорное сопротивление, многомудрый Субэдэй пошел на хитрость. Отойдя чуть назад, он отправил к вождям кыпчаков посольство с богатыми дарами и увещал их отказаться от союза с аланами. В лестных выражениях послы хвалили половцев и нещадно хулили алан, кивали на то, что союзники кыпчаков и по вере, и по языку им чужие – чего им тогда помогать, обещали вождям, что нападать на них не будут. Лазутчики показали хану Котяну письмо:

«Мы, татары, как и вы, кыпчаки, – одна кровь из одного рода. А вы соединяетесь с чужими племенами против своих братьев. Аланы эти и нам, и вам – чужие. Давайте заключим с вами нерушимый договор не тревожить друг друга. За это мы дадим вам столько золота и

богатых одежд, сколько вы пожелаете. А вы сами уходите из этих степей и дайте нам одним расправиться с дерзкими аланами».

Словно подтверждая свои намерения и желание мира, монголы послали половцам много коней, нагруженных ценными подарками. И кыпчакские вожди, жадные до даровых подношений, польстились на роскошные подарки и предательски покинули ночью аланов, увели свои орды в родные кочевья, оставив бывших союзников на поле битвы.

И тогда с двух сторон войско монголов напало на обескураженных вероломным предательством алан, полностью разгромило их. Отряды татар вихрем пронесли по оставшимся без защиты селениям, предавая все огню, грубому грабежу и безжалостному убийству.

Не теряя драгоценного времени, больше не имея за своей спиной острых мечей аланов, Субэдэй быстрым маршем повел тумены в земли беспечно пирующих половцев, которые со всей присущей им радостью обмывали, как им казалось, условия крайне выгодного мира.

Уверенные в вечном мире и своей полной безопасности, кыпчакские ханы с отдельными отрядами спокойно разъехались по своим родовым стоянкам. Монголы гнались за ними по пятам. Половецкие кочевья были безжалостно разграблены, будто по ним прошелся уничтожающий все и вся смертельный ураган. Богатства же ими, монголами, было взято вдвое против того, что они сами в дар половцам до того принесли.

Те же из кыпчаков, что жили далеко в степи, услышав о вероломном нашествии монголов, поспешно разобрали юрты. Навыучили они на верблюдов все свое имущество и бежали, кто куда мог: одни спрятались в болотах, другие в лесах в верховьях рек Калмиус и Самар (притоки Днепра), где издревле были дремучие леса и непроходимые болота, по руслу этих рек шел оживленный водный торговый путь от Приазовья к Днепру. Многие удалились в земли русские и венгерские.

Торжествующие и празднующие свою полную победу монголы гнались за убегающими кыпчаками по берегам Дона, пока не загнали их в синие воды Хазарского (Черного) моря и там большую часть их, не пожелавших сдаться на милость победителям, утопили.

После разгрома алан и кыпчаков тумены монголов весь 1222 год совершали грабительские набеги по всему Северному Причерноморью.

Один из их отрядов дошел даже до хазарского (крымского) Судака, где татары захватили большую добычу. В этих походах вместе с ними принимали участие и многие половцы, что переметнулись на сторону победителей, считая, что лучше быть в доле с ними, чем нищенствовать в дотла разоренных кочевьях. Злато и серебро не пахнут...

До нападения монголов к Судаку приходило много чужеземных кораблей с одеждами, тканями и другими товарами.

Кыпчаки выменивали их на невольников, меха черно-бурых лисиц и белок, на кожи, козьи и телячьи...

Узнав о приближении монголов, жители Судака в панике бежали, укрылись в горах, сели на корабли и отплыли по морю в Трeбизонт.

Разграбив город, тумены снова отошли на полночь для отдыха в кыпчакских кочевьях, где тянулись обильные травой луга.

Там повсюду виднелись плодородные поля, распаханые рабами, бахчи с темно-зелеными арбузами, со сладкой алой сердцевинкой, тающей во рту, и огромными рыжими тыквами. В огромном количестве там паслись тучные стада молочных коров и тонкорунных баранов.

Не выдавшие этакое изобилия, монголы хвалили эти степи. Многие воины говорили, что тут их коням так же хорошо и привольно, как на родине, на берегах Онона и Керулена.

Но Угхах все-таки думал, что монгольские степи ему куда дороже. Нет, он их не променяет ни на какие другие степи. Он хотел только одного – поскорее вернуться на берега родного Керулена.

Но вокруг упорно ходил слух о том, что они не остановятся, пока не завоюют всю Вселенную. Кому-то эта идея сильно нравилась, многие в ответ только улыбались и благоразумно помалкивали.

Недолго пробыли отряды монголов в главном городе кыпчаков Шарукане (Харькове), основанном булгарами. Потом в нем поселились хазары. А после их исчезновения на эти земли пришли половцы.

В этом городе в большом количестве имелись каменные постройки, оставшиеся еще от прежних хозяев, до половины вросшие в землю, и амбары со складами заморских и иноземных товаров.

Но много больше виднелось разборных юрт, в которых обитали и кыпчакские ханы, и их простые воины, слуги. Зиму они проводили тут, весной дружно откочевывали из города в степь...

С приходом монголов заморские купцы, безмерно опасаясь войны и грабежей, перестали торговать. И тогда город Шарукань, основательно разграбленный и местами сожженный, опустел, по нему загулял ветер. Тумены ушли к Лукоморью – побережью Азовского моря.

– Зимуюем тут! – Субэдэй ткнул пальцем в сторону правого заднего копыта своего жеребца. – Мой шатер ставьте здесь! Ы-ы-ы! – ощерился он, дико сверкая единственным глазом, от взгляда которого цепенели спины, кровь стыла в жилах воинов. – Чего стоите! Время пошло!

Как бы далеко ни ушло монгольское войско от своего Повелителя, оно неуклонно и неукоснительно соблюдало строгие законы «Ясы» Чингисхана. На месте очередной стоянки временные лагеря окружались тройной и четверной цепью бдительных и неусыпных часовых.

В степи, на всех дорогах и охотничьих тропах, ведущих в земли булгар, русов и угров (венгров), маячили караульные посты. Дозорные, разбросанные по степи, перехватывали и ловили каждого, кто только ехал или шел по дороге. Тщательно расспрашивали, затем отсылали к Субэдэю тех, кто знал неизвестные им новости о соседних народах и племенах, остальных просто рубили за ненадобность.

Выбрав себе место для зимовки, монголы поставили свои курени в низинах между холмами, чтобы как-то укрыться от постоянно дующих и пронизывающих до костей ветров.

Повсюду ощущалась близость к морю. В центре куреня ставилась юрта тысячника, а вокруг нее несколькими кольцами расставлялось до двух-трех сот походных шатров и юрт, тех, что везли с собой или же отобрали у кыпчаков. Курень насчитывал до тысячи воинов.

Большая юрта тысячника выделялась среди всех. Возле нее высился отличительный знак – рогатый бунчук из конских хвостов.

Как и во время похода, возле шатров и юрт, пофыркивая, привычно стояли оседланные кони, с туго повязанными поводьями.

Остальные лошади огромными табунами паслись в степи слугами-конюхами из кыпчаков под бдительной охраной немногочисленных дозоров. Монголы своих чистопородных коней никогда не привязывали и не стреноживали. Монгольские кони никогда не уходили от хозяев.

Воин мог полностью доверять коню. Но и конь мог полностью доверять человеку. Они даже в чем-то были схожи: воины из армии Чингисхана и верные боевые товарищи, высоко дисциплинированные, выносливые, способные выжить в самых тяжелых условиях...

Отправленные в поход военачальники не ладили между собой, хотя они и посланы были Чингисханом для выполнения одного дела.

Они постоянно спорили и всякий раз хотели уличить друг друга в ошибке, в неправильных решениях. Великий каган специально отправил в поход их обоих, как делал всякий раз со своими нукерами, посылая вместо одного двоих. Для него не являлось секретом то, что

соперники всегда стараются отличиться и проявляют при этом незаурядное рвение и свои всевозможные таланты.

Баловень судьбы Джебэ был невыносимо горд, самоуверен, горяч до вспыльчивости. Казалось со стороны, что этот человек просто уверен в своей непогрешимой правоте, нигде не допустит промаха, если он метко стреляет и с шести десятков шагов попадает в голову бегущего суслика.

Именно за свою поразительную меткость его и прозвали «Джебэ» – стрела. Давно это произошло, лет двадцать минуло с той поры, как его приметил Чингисхан и выделил из толпы...

Стремительный и неудержимый в любом походе, Джебэ и на этот раз постоянно вырывался вперед. Со своим легким конным туменом он частенько попадал в сложное положение, из которого всегда искусно выскальзывал, уходя от вражеских отрядов, нападающих на него.

Но, когда не удавалось, и отовсюду грозила им неминуемая гибель, то появлялся со своим туменом Субэдэй, выручал попавших в беду.

Сплоченные ряды тяжелой конницы наваливались на неприятеля со спины, сминали его ряды. Никто не мог выдержать удара стремительно накатывающих конных тысяч, закованных в железные латы...

После битвы Джебэ с застывшими в стеклянной неподвижности глазами являлся с оправданиями к Субэдэю, покрытый слоем пыли и забрызганный бурой кровью. Долго сидел, неподвижно уставившись на огонь костра, потом он отрывистыми фразами начинал говорить о том, что сделал все правильно, но этот раз врагов ополчилось до того много, что у его нукеров даже не хватало стрел в запасных колчанах.

Слушая своего товарища-соперника, сдержанный Субэдэй только посмеивался, в душе довольный, что опять спас Джебэ и доказал свое превосходство, предлагал забыть и ничего не объяснять.

– Хуш! – взмахом руки он приказывал слуге подавать зажаренного на вертеле молодого барашка, напиканного чесноком, фисташками.

Потрескивали угли, вспыхивая, освещали сторбившегося Субэдэя, выхватывали из темноты его постаревшее лицо с клочками седых волос на подбородке. Он и сам не знал, сколько ему лет. Он был младшим братом Джелмэ, который стал ближайшим сподвижником Темучина, одним из лучших полководцев Чингисхана.

Их отцом был тот урянхайский кузнец Джарчиудай, что подарил для новорожденного Темучина соболями пеленки.

Когда Темучин поссорился с побратимом Джамухой, Субэдэй-багатур со своими людьми примкнул к сыну Есугэя.

Когда-то давно его сильно ранили в плечо. Какие-то мышцы были перерублены. Правая рука с тех пор плохо двигалась и оставалась скрюченной. С тех пор в бою он мог действовать только левой рукой.

Багатур никогда не прятался за спинами своих нукеров, рубился, как мог, и его рубили. Страшным ударом сабли лицо его рассекли через левую бровь, а потому левый глаз весь вытек. Теперь он был всегда зажмурен, а правый глаз, широко раскрытый, казалось, сверлил и видел каждого насквозь. Давно поговаривали, что Субэдэй хитер и осторожен, как старая лисица, которая попала в капкан и отгрызла себе лапу, и злобен, как барс. С ним не страшен никакой враг...

Десятник Угхах служил в сотне, которая входила в охранную тысячу Субэдэй-багатура. Потому он часто оказывался рядом с полководцем и нередко выполнял его поручения.

– Зимует тут! – Субэдэй ткнул пальцем в сторону правого заднего копыта своего жеребца. – Мой шатер ставьте здесь! Ы-ы-ы! – ощерился он, дико сверкая единственным гла-

зом, от взгляда которого цепенели спины, кровь стыла в жилах простых воинов. – Время пошло!

– Ставьте лагерь! – полетела вдоль возков требовательная команда.

Под командованием Угхаха нукеры весело принялись исполнять приказ багатура, предчувствуя длительную стоянку и хороший отдых.

Подошел обоз с имуществом темника. С десятков-другой верблюдов притащили на себе несколько разобранных юрт.

– Приехали! – на верблюдицах понуро сидели кыпчакские пленницы в покрывшихся пылью толстых разноцветных шерстяных халатах, в белых остроконечных, расшитых по краям войлочных шапках.

– Шевелись! – смуглые нукеры расставляли каркасы.

Рабыни тянули нескончаемые песни, вязали полукруглые решетки. Обтягивали их белым войлоком. Расстилали ковры. Развешивали на стенах шелковые ткани с вышитыми на них узорами. Как по мановению волшебной палочки, одна за другой выросли три юрты.

– Зачем мне три юрты? – хмурясь, спросил Субэдэй.

– В одной ты будешь думать твои думы... – почтительно склонился верный слуга-юртджи.

– Она станет место для отдыха и сна.

– А вторая? – прищурился единственный глаз темника.

– В ней мы поместим твоих любимых охотничьих барсов.

– Ну, а третья? Зачем мне она?

– Без третьей нельзя. В нее мы поселим для тебя лучших пленниц, умеющих петь и плясать. Они согреют твою душу и тело!

– Уг! Нет! Пусть во второй рычат барсы, – согласился Субэдэй. – А в третьей ты поселишь того дервиша Хаджи-Хасана и этого... Галиба. Пусть они напишут все, что знаю про страну урусов... От них двоих толку намного больше, чем от десятка бестолково щебечущих женщин.

– А что мне делать с пленницами?

– Раздай их сотникам...

Короткий взмах руки, и красавиц беспрекословно раздали тем, кто отличился в последних схватках. Счастливицы с довольными ухмылками на лицах тащили за собой отчаянно упирающихся девиц. Было от чего стать воям довольными: в обозе темника тащились не самые простые девки, а все, по большей части, ханские жены и дочери...

– Кар! Кар! – темная тень пролетела прямо над сотником Угхахом, возвращая его из прошлого на болгарские земли, и он снова вздрогнул.

В те и далекие, и будто все это происходило совсем недавно, дни он еще не был сотником и столь щедрой награды не заслужил...

Глава III. Коварный замысел человека с двуликим лицом

Поднявшееся над холмом солнце заглянуло в узкий двор. Теплые лучи с трудом пробились среди теснившихся тут круглый год, в любое время дня и ночи, диковинных для этих мест, вечно что-то жующих верблюдов, ослов и лошадей.

Может, им, посланникам дальнего светила, из-за своего извечного любопытства и хотелось бы попасть в тесную каморку, разместившуюся в подвале двухэтажного дома, где хранились товары купца Ахмеда-урганджи родом из Ургенча. Но в том полуподвальном жилище окошек вовсе не имелось. И не могли понять они, как же там кто-то мог еще и жить и кто и кому оказал эдакую вселенскую милость.

При особом желании досужие городские сплетники кое-что могли и поведать, пересказывая важные и не очень-то новости. А неизменный посетитель шумных базаров – ветер-шалун, мог бы и донести эти слухи. Вот и он появился, легок на помине, зашелестел зелеными листочками, заторопился поведать о том, что ему удалось по секрету разузнать.

Богомольный хозяин всего, богатый торговец хорезмскими шелками и вышивками, восточными коврами, хлебосольный и гостеприимный, еще несколько лет назад позволил жить в его доме резчику печатей.

Позволил обитать в своем сыром подвале человеку по имени Саид, который изо дня в день сидел на небольшой городской площади, на самом краю ювелирной слободы на низенькой скамеечке за маленьким столиком и вырезал надписи на шлифованных сердоликовых печатях.

На них мастер, где красивой вязью тонко вырезал, где затейливыми плывущими арабскими буквами выводил искусным росчерком имена заказчиков. На дорогих перстнях с драгоценными камнями черкал таинственные заклинания, дающие силу и здоровье владельцу или же берегущие его от дурного глаза и губительных заклятий злых людей.

Состоятельные покупатели и бездельники-зеваки проходили и часто замечали согнувшегося резчика с удивительно длинной рыжей бородой, низкими черными мохнатыми бровями. Под ними серые глаза казались пугающе сумрачными, густо затаившими в себе сокровенную, надежно спрятанную от всех других неподвластную их пониманию мысль.

Никто не мог точно вспомнить, когда появился на этом месте мастер с природным бронзовым загаром на лице, словно он всегда сидел...

А Саид привык вставать с первыми петухами. В окружающей его полной темноте он по привычке нашел низкий стол. Нащупал рядом с ним скамейку и свой рабочий столик. Вынул из ниши, выдолбленной в сырой стене, кожаную сумку с инструментами и заказами. Вышел во двор. Махнул рукой стражу ворот и выскользнул на улицу.

Через полчаса он тихонечко стучался в другую калитку. На немой вопрос протянул что-то аккуратно завернутое в шелковую тряпицу. Из тонкой кисеи выпала овальная золотая пластинка.

На ней искусно вычеканили сокола с широко распростертыми крыльями и вырезали затейливую надпись из очень странных на взгляд непосвященного в это дело человека буковок, похожих на озабоченно бегущих по узкой тропинке вездесущих муравьев.

– Пайцза великого татарского кагана! – благоговейно прошептал хозяин дома, купец из восточной страны, и немедленно впустил к себе во двор неожиданно возникшего гостя.

Немногие люди не только в этом городе, но и по всей стране, далеко-далеко за ее пределами, знали, что такая пластинка из металла, кожи или дерева с вырезанным на ней повелением Чингисхана являлась сама по себе и пропуском для свободного проезда по монгольским владениям и давала одновременно большие права.

Золотая же пайцза с изображением тигра выдавалась начальникам самых больших военных отрядов – туменов. Командирам же отрядов поменьше, в зависимости от их ранга, выдавались серебряные, медные и бронзовые, а то и деревянные пластины. Деревянная пайцза выдавалась десятникам. Каждый тип пайцзы наделял их владельца определенными полномочиями. Поговаривали шепотком о том, что существуют-де пайцзы и более высокого ранга, чем золотая пайцза с рычащим тигром.

Дескать, предъявителю таковой следовало подчиняться, как самому Чингисхану. Такой знак отличия великий хан дал, к примеру, Субэдэю, когда тот во главе нескольких туменов отправился в дальнюю разведку.

Таковыми пайцзами были наделены Елю-Чу-Цай и Махмуд Ялавач.

– Хотел меня видеть? – властным голосом спросил-произнес Саид.

– Дело имею... – хозяин согнул голову в почтительном наклоне.

– Говори!

– Придут люди. Раздобудь кольцо китайского императора...

Хитрые и маленькие глазки тучного, заплывающего жиром купца быстро-быстро забежали из одной стороны в другую, выдавая далеко не самые благонравные его намерения. Он и сам хорошо понимал, какую поистине невыполнимую задачу поставили перед ними: обеспечить захват болгарской принцессы, желательно с тем самым кольцом.

– Что ты намерен делать?

– Тебя оно не касается, – Саид недовольно поморщился. – Кто?

– Тот, кому положено, все знает. Я видел его вчера. Он приказал, чтобы ты был наготове к вечеру. Я пошлю ему сигнал, что ты в курсе...

Усмешка легкой тенью скользнула по сомкнутым губам мастера. Нельзя сказать, что он вовсе не ожидал подобного. Вот и пришел час...

– Я понимаю, что оное будет нелегко, – хозяин закивал головой.

– Ты говорил, – резчик испытывающе прищурился, – кольцо...

Ему обещали искусную подделку кольца, которое сейчас находится у болгарской принцессы. В свое время перстень, жутко похожий на пропавшее кольцо императора, носил на своей руке шах Хорезма.

В голове у него давно зрел план, как можно выманить племянницу эмира из дворца. Он прекрасно помнил недавний разговор в лавке ювелира, когда девушка потребовала, чтобы ей изготовили точно такое же кольцо, что лежало у нее на ладони. Только мастер тогда со всем почтением, но твердо ей отказал, так как он не владел столь высоким искусством мастерства, как в те древние времена...

– Да-да, – часто-часто закивал хозяин. – Я пошлю сообщение...

– Кольцо мне потребно к обеду...

Почтенный купец понимающе закивал и почтительно пригласил:

– Пройди, почтенный гость, в дом. Я велю накрыть достархан.

– Нет, – Саид покачал головой и заторопился. – Извини, у меня много работы. Срочный заказ.

– А как же? – хозяин моргнул и изогнул левую бровь.

– Ты знаешь, где меня можно найти. Пусть они скажут: «Привет от Джелаль Эд-Дина». Я все пойму...

Да-да, султан Джелаль Эд-Дин, сын шаха Хорезма Мухаммеда, был последним, кто носил этот перстень. Об этом знали лишь немногие...

Резчик отошел от дома, долго еще стоял и ждал, пока не увидел, как вспорхнул ввысь белокрылый голубок и помчался с привязанным на лапке посланием. Почта работала быстро и исправно. Через пару часов, может, и дней птица сядет в положенном ей месте, а дальше помчится следующий посланник. Пока сообщение не дойдет до своего адресата.

Следом помчится конный посыльный. Для надежности такая связь дублировалась, а при необходимости почта шла и по трем различным каналам. Все тут зависело от важности и срочности послания...

Правда, в их случае адресат должен ждать где-то рядом, а потому послание домчится быстрее ветра. Он даже не успеет дойти до площади, где проводит целые дни, вырезая диковинные рисунки и магические знаки, и расставить свой столик, разложить инструменты и усесться на стульчик. Лишь бы все прошло именно так, как он задумал...

Убедившись в том, что купец немедленно исполнил его поручение, Саид удовлетворенно вздохнул. Он еще несколько дней назад думал, что свое дело выполнил. Все эти годы упорно искал, но кольцо будто бы исчезло, словно его в этих краях никогда и не было. Конечно, оно могло всплыть и в любом другом месте. Но повезло-то именно ему. Зачем кому-то понадобилось именно это кольцо, он и сам толком не знал.

Ему отдали приказ, и он приступил к поискам в столице Булгарии. Кто-то, должно быть, безуспешно искал его в другом месте. Если бы он знал заранее, сколь трудным и опасным окажется порученное ему дело.

Найти-то он нашел, но вот как теперь умудриться и заполучить его. Надо ему как-то выманить племянницу болгарского эмира из дворца.

Да еще устроить все так, чтобы она взяла с собой и кольцо матери. Именно тот самый перстень, на котором были начертаны таинственные заклинания великого Сулеймана. Давным-давно это кольцо отправили в дар китайскому императору, но до него оно так и не дошло...

Легкокрылый посланец, взмыв в небеса, превратился в невидимую точку, растворился в голубизне неба, помчался, без усталости взмахивая крыльями. Заложенные самой природой инстинкты с необъяснимой силой тянули его в то место, откуда его привезли в город. Он не успел толком разогнаться, как под ним замелькали знакомые очертания небольшого аула. Еще немного, и голубок опустился, сел на приступок и клювиком постучал в небольшое оконце...

Солнечные лучики, отразившись от зеркальной поверхности воды, скользнули вдоль бойницы, проникли внутрь деревянной башни, где дремал часовой, защекотали в носу разомлевшего от сна воина. Тот забавно поморщился, громко чихнул, от чего окончательно проснулся и пугливо оглянулся: не заметил ли кто случаем, как он задрых на посту.

Несколько раз глубоко вздохнул он и потянулся, разгоняя сонливую дремоту. Вот и ночь прошла, не заметишь, как и смена подойдет.

Сейчас появится караулбаши, и время пришло открывать ворота. словно желая самого себя убедить в этом, нукер посмотрел вниз. Рядом с воротами, по ту сторону крепостной стены, заметно стало шевеление. Задвигался люд, что не успел попасть в город с вечера, припозднился и наткнулся на крепкие ворота, предусмотрительно закрытые на ночь.

Сонные пастухи подгоняли стада овец, громче становилось слышно их бестолковое блеяние. С другого конца тяжело вышагивали коровы, лениво поводя низко опущенными рогами из стороны в сторону.

Неподалеку важно шествовали диковинные животные – верблюды, легко тащили на себе объемные тюки с заморскими товарами: шелковой одеждой и тканями, пряностями и сладкими сушеными фруктами, тончайшими вазами из китайского фарфора и зеркалами из Венеции.

Вдоль дороги потянулись легкие двухколесные арбы и груженные доверху повозки. Шум за воротами все усиливался. Поднимался и креп недовольный ропот. Окрепнув, он вспорхнул громким криком:

– Эй, отворяйте!

– Вовсе заспались, – не поднимая глаз, проворчал возница, длинным концом поводьев нервно постукивая себя по голенищу сапога.

Накануне у его повозки отвалилось колесо. На непредвиденную остановку и починку ушло время. И, как они после ни торопились поспеть, несговорчивые стражи подняли подвешенный мост прямо на их глазах. Пришлось им заночевать в открытом поле.

– В былые годы давно бы отворили, – вскользь заметил одинокий путник, путешествующий налегке. – А в этот год все тянут и тянут, словно ждут, пока солнце не достигнет зенита.

– Строги ноне порядки, ворогов опасаются...

Презрительная усмешка скользнула по тонким губам путника:

– Чего им бояться, сидят за высокими стенами...

Неодобрительно покосившись в сторону насмешника, возница с ног до головы ощупал его взглядом. От него не укрылись слегка раскосые, восточные глаза соседа, его кривоватые ноги, что явно говорило о том, что не совсем уж дальние, может, и совсем уж близкие предки

этого слишком разговорчивого путника предпочитали больше передвигаться на лошадях, и с головой выдавало в нем степняка. Хотя, кто его знает.

Много среди них жило выходцев из разных народов. И сами они, булгары, поговаривают, когда-то пришли на эти земли из степей.

Только одним людям Аллах дал открытые и чистые глаза вместе с желанием мирно трудиться, а вот другим от него достались узкие глаза разбойников и наглых грабителей, что сами по себе ленивы, привыкли весь день в рассеянной праздности покачиваться в седле, жить за счет других народов и племен...

– Эй, открывай! – закричали снизу.

Словно только и ждавшие, тотчас же застучали по проходу тяжелые каблуки караулбаши, который давно уже с усмешкой наблюдал сверху за скопившимися за закрытыми воротами людом. Он и сам прекрасно знал, что пора открывать, но по привычке медлил, выискивая глазами чужаков и особо недовольных. Но больше всего он старался выискать тех, кто пытался слиться с толпой, выглядеть в ней неприметным, что порой и подводило, именно излишнее усердие казаться таким, как и все.

И те, и другие были опасны. Вторые куда больше, чем первые. Нет ничего опаснее, чем враг тайный, тот, что пытается влезть и скрыться под чужой личиной.

Не мог и не обошел своим вниманием караулбаши шибко горячо выступающего степняка, почему-то путешествующего пешком.

Странновато оное, если того еще не хуже. Не мешало бы задержать его и основательно прошупать: кто такой, зачем явился в их город, по какому праву их честной народ разговорами смущаешь и мутишь?

Подозрительный человек, никакого к себе доверия не внушает...

Скрипя, медленно, никуда не торопясь, опустился подъемный мост. Потом стражники открыли ворота и высыпали наружу, скрестили копья, показывая, что всем необходимо соблюдать порядок. И люд мгновенно поутих, подтянулся и стал терпеливо ожидать своей очереди.

Первые возы прошли, вторые...

По молчаливой указке караулбаши перед разговорчивым путником вырос стражник и потянул его в сторону. Толпа настороженно ахнула.

– Туда ему, ворогу, и дорога, – сквозь зубы процедил возница, еще раз скользнув по путнику своим тяжелым взглядом. – Что-то многое болтает, не лазутчик ли татарский...

Татары... татары... Это страшное слово у многих нынче на слуху...

Пока внимание стражников отвлеклось на неподдельное возмущение путника с раскосыми и бесшабашно разудалыми глазами, мимо них не замеченный никем прошел сторбленный старик с седой всколоченной бородашкой, держа в своей руке поводья от запаршивевшей лошаденки.

Его-то пропустили. Чего с убогого доходяги еще взять, кроме тех насекомых, что он таскает на себе да на своем шелудивом мерине...

– Кто ты такой? – караулбаши грозно нахмурился, уперев тяжелый взгляд в задержанного степняка.

– Странник я. Бегу от беды, – несколько не испугавшись, отвечал человек. – Из саксинов нижних мы, рядом с бургасами жили. Татары пришли, сильно притесняют нас.

– Что же ты, баешь, будто всю дорогу к нам пеший и прошел? – караулбаши недоверчиво прищурился.

Узкоглазый пересмешник притворно вздохнул:

– Лошадка моя по дороге пала. От своих я отстал. Не стали они меня дожидаться. Вперед уехали. Обещали после навстречу чего выслать. Да, видать, забыли. Не до меня, сиротки, им стало...

Вроде бы, и правду говорил степняк. Много людей с тех краев к ним шли. Но по одежке-то его не верилось в то, что он пеший совершил долгий путь – штаны на нем, как новые, и сапоги вовсе не стоптанные. Будто бы вчера только их сапожник стачал или пару деньков назад.

– Бреешь, собака узкоглазая! – надвигаясь с плеткой в руке кинул сквозь зубы начальник караула.

– Вот те крест! – истово перекрестился степняк, задирая голову и словно случайно обнажая своим неловким движением руки тоненькую серебряную цепочку с маленьким простеньким крестиком из того же металла. – Истинную правду говорю, ни слова не соврал!

– Так ты крещенный? – удивился караулбаши.

Окончательно запутавшись, он махнул рукой, приказал тащить того степняка к начальнику стражи. Пусть они сами с этим человеком разбираются. Его дело маленькое – задерживать всех подозрительных. А что дальше с ними случится – его уже не касается.

Вот и смена подошла, скоро им всем отправляться на заслуженный отдых. И не стоит больше положенного на службе задерживаться...

Люд, скопившийся у крепостной стены, струйкой, сузившейся возле тесного прохода, втянулся в город, унося с собой и разнося по всему городу свои ночные страхи и переживания. Навстречу ему шли и ехали горожане и гости из дальних и ближних земель, к тому самому времени закончившие свои дела в столице государства булгар. У каждого свои заботы и печали, которые незаметно терялись, бесследно растворялись, теряя всю свою важность и исключительность в общей суете...

Шаркающими шагами, помогая себе сучковатой палочкой, древний старичок с согбенной спиной с трудом доковылял до поворота кривой улочки. Встал в густой тени развесистого дерева, воровато оглянулся и зыркнул он по всем сторонам пронзительными глазами.

Никого вокруг не заметив, старикашка молодецкато распрямился, стал намного выше ростом. Брезгливо скинул он со своих плеч драный халат. Поморщившись, смахнул с головы парик из пакли, пиная ногами, торопливо затолкал его под выступающие над землей камни.

Быстрыми и ловкими движениями молодых рук чужестранец извлек из переметной сумы, притороченной к седлу, добротный шелковый халат. Накинул его, натянул на голову пеструю чалму и превратился по виду если и не в самого настоящего купца-араба, то уж точно в его сноровистого и преуспевающего помощника.

Прикрыв глаза, он немного постоял, привыкая к новому облику, стряхивая со своих крепких плеч старческую дряхлость и ощущая, как они наливаются молодецкой удалью. Еще в детстве, бывало, мать ему говорила, что в нем живет талант к перевоплощению.

Мать его родилась иудейкой и в свое время преуспела в лицедействе. Умудрилась убедить того человека, которого он всегда называл своим отцом, в том, что он был его сыном. На деле его кровным отцом был, по всей видимости, Махмуд Ялавач, иначе, чего тот хорезмиец принимал в его жизни столько участия. Предки его матери жили в Шаракуне и Башту, том самом городке-крепости, что потом русичи называли Киевом, придумав красивую легенду про красавицу Лыбедь и ее братьев, Кия и Хорея, и сделали своим стольным градом.

И назывался тот народ то ли булгарами, то ли потом хазарами, то ли их так прозвали потому, что в ту пору правил теми землями Хазарский каганат. Вот и разбери, кем были его предки. Но по матери он иудей, принадлежал к их общине. Там изучал Тору и Талмуд...

Счастливый посланным ему свыше наследником муж матери назвал ребенка Али, назвал в честь своего отца. Мать же частенько называла его Янусом, Янусом Двудиким. Жил, говорят, у римлян этакий Бог.

Еще мать ему говорила, что тот был древним царем Лациума, страны латинян. Родителями его стали Уран и Геката.

От всемогущего Сатурна получил этот Янус дар ясно видеть все в прошлом и будущем. Именно потому с одной стороны лицо его было молодым, обращенным в будущее, а с другой – старым, смотрящим назад, вглубь времен. Двуликий Бог начала и конца.

На ночь он запирает небесные врата, а утром открывал их и выпускал солнце на небосвод. Покровитель воинских начинаний, Янус имел храм, двери которого раскрывались только после начала войны. В мирное время они наглухо закрывались. Но Рим настолько часто воевал, что за все время его владычества двери эти пришлось закрыть всего три раза.

Это он, по древнему поверью, научил людей исчислению времени, ремеслам и земледелию. Под покровительством Януса находились все двери – частного дома, храма Богов или ворота крепостных стен.

А так как он вел счет дням, месяцам и годам, то на пальцах правой его руки начертали знак CCC (300), а на левой LXV (65). Что в сумме означало число дней года. По его имени римляне назвали первый месяц года януарием – началом. Янус также был патроном дорог и путников, многие верили, что именно он научил людей строить первые корабли.

Вот и он, Али или Юнус, как и его небесный покровитель, то и дело меняет обличье, чтобы без всяких проблем и ловко проникать через все ворота и преграды. Наклонившись, он поднял с земли драную одежду нищего и дряхлого старичка, быстренько запихал в опустевшую суму.

Привязав свою лошаденку к толстому суку, араб быстро зашагал по улочке в обратную сторону, нисколько не беспокоясь за оставленное без присмотра животное. Булгары чужого никогда не брали, не крали...

Твердой поступью уверенного в себе и знающего себе цену человека Али добрался до той самой калитки, куда ранним утром постучался Саид, резчик печатей. Гость и хозяин очень хорошо знали друг друга, а потому показывать пайцзу надобности не имелось.

– Проходи, – голова купца чуть высунулась и кинула по сторонам настороженные взгляды.

– Принес, – араб провел безразличными глазами по тесному дворику.

Давно ему тут все уже знакомо. И каждый раз он убеждался в том, что с течением времени в доме купца ничего не меняется.словно его мир не подвластен вечной тленности, застыл в одном положении.

Но нельзя прожить, отделившись от всего остального мира. А в нем-то как раз и следовало ждать грядущих скорых перемен.

Хочет этого напыщенный купчишка, прячущийся в раковину, или не хочет того, а жизнь все сама по своим местам расставит. А они уж этому по мере своих сил и возможностей всемерно поспособствуют.

Потянувшись к своему гостю, купец зашептал:

– Резчик просил, чтобы ты вещицу передал ему со словами...

Услышав пароль, Али усмехнулся, но промолчал. Лишь непонятная усмешка легким дыханием ветерка обвеяла его губы и затаилась, ловко спрятавшись в их окаменевших уголках.

– Махмуд из Гурганджа все знает, кого и куда ему послать? – после продолжительного молчания спросил он. – Он ничего не перепутает? – плохо скрываемое беспокойство зазвучало в его словах.

Худо, что он сам не сможет принять участие в деле. Всего при всем желании не охватить. Нельзя объять необъятное, как любила говорить ему мать. Следует научиться сполна довольствоваться тем малым, что всецело подвластно желанию, а главное – собственным возможностям. Вот и приходится полагаться на умение и способности других.

– Нет-нет! – купец отрицательно замотал головой. – Мы с ним накануне обговорили. Он все продумал, наверное, тронулся в путь.

– Пусть Боги пошлют ему удачу! – кивнул головой Али.

Без удачи им в их деле никак нельзя. Только удача, к глубокому сожалению, сама по себе не приходит. Надо крепко постараться, чтобы приманить к себе эту весьма капризную птичку. Но он знает, что след ему предпринять, чтобы фортуна повернулась к нему лицом...

На подвесном мосту Внешних ворот города показался гарцующий всадник на арабском скакуне. Черный жеребец с белыми чулками на бабках, красуясь и подтанцовывая, вышагивал, вызывая восхищенные возгласы. Ухоженная шерстка ярко блестела на солнце. Дорогая сбруя была отделана драгоценными камнями. Не уступало ей по красоте и высокое кожаное седло, изготовленное арабскими мастерами.

В отличие от своих тучных и неповоротливых собратьев купцов Махмуд аль-Гурганджи был строен и худощав и чаще всего садился не в легкую двухколесную повозку, а ездил верхом. Вслед за ним на выезд из города потянулись тяжело нагруженные телеги с товаром.

Стражники почтительно, без лишних слов, пропустили небольшой караван. Купец из Хорезма всем им достаточно хорошо известен.

Он всегда щедр и, не скупясь, отсчитывал на своей широкой ладони монеты, когда платил мзду за проезд через городские ворота.

Тогда уж кое-что перепало и простым воям, не считая того, что утекало в широкие карманы начальника караула...

– Счастливого пути, Махмуд аль-Гурганджи! – пожелал караулбаши.

Всевышний Аллах услышал его горячие молитвы и под самый конец смены послал к нему всеми уважаемого купца, достойного из самых достойных. Да продлятся его счастливые дни на радость всем тем, кто охраняет ворота их славного города.

Золотые монетки тихо звенели и сладко радовали слух.

– Э! – хорезмиец улыбнулся и махнул вытягивающейся рукой. – Я только провожу их до поворота...

– Пусть удача сопутствует тебе во всех твоих делах! – заискивающая улыбка поселилась на губах караулбаши. – Мы рады видеть тебя...

– Как я рад видеть вас... – удаляясь, проворчал купец. – По ночам ваши мерзкие рожи в кошмарах снятся!

Неспокойным стал его сон. Совсем сон пропал с тех пор, как он познакомился прошлым летом в далеком Гургандже, в своем родном городе, с одним пронырливым молодым человеком по имени Али.

И угораздило его взять и согласиться выполнить одно небольшое, но, как ему с обвораживающей улыбкой объяснили, очень деликатное поручение. При этом обещали вполне хорошо заплатить.

Он не слыл излишне скупым, но деньги любил, хорошо знал им цену и не ленился нагнуться, чтобы поднять с пола закатившуюся монетку, какой бы ничтожно малой она ни оказалась. Ничего не подозревая, он перевез то, что ему вручили, передал по назначению. Как и обещали, с ним расплатились сполна. А вскоре они обратились к нему с новой просьбой. Потом еще с одной. И завертелось оно, закружилось...

Сопроводив повозки до ближайшего поворота, Махмуд остановился. Удаляться шибко далеко от города, как он и сообщил караулбаши, в его ближайшие планы не входило. Он просто хотел сам лично убедиться, что на выезде из ворот с его людьми ничего не случится. Один Аллах ведает, что могло прийти в голову караулбаши у внешних ворот. Вдруг да захотелось бы взять и осмотреть все телеги, что время от времени случалось. Времена настали беспокойные, кругом мерещатся враги. Вот и усердствуют стражники, ищут лазутчиков и их пособников.

Глядя вслед медленно удаляющемуся облаку пыли, хорезмиец невольно вспомнил о своем земляке, приходившемся ему отдаленным родственником. Того тоже звали Махмудом, Махмудом Ялавачем.

Вот кто своим умом и изворотливостью сумел войти в доверие к татарскому кагану, возвысился над всеми своими земляками.

Вовремя Ялавач рассмотрел в хане монголов того, кто разнесет в прах, казалось бы, незыблемое могущество шахов Хорезма, и вовремя переметнулся на сторону сильнейшего...

Не зря говорят, что капризная удача сопутствует тому, кто вовремя уловит, в какую сторону задул изменчивый ветер перемен.

Сумел вовремя встать под знамена смелого правителя, кто вот-вот войдет в силу и подомнет под себя соседние страны, значит, окажешься на коне, все будет в твоих руках: и богатства, и власть. И чем раньше это сделаешь, тем выше поднимешься по ступенькам могущества...

Вот и его поставили как-то перед нелегким выбором.

Или он помогает тайным проискам татарских лазутчиков в смутной надежде на то, что скоро в эти самые края придет непобедимое войско монголов и тогда ему сполна воздастся по его заслугам, или же все имущество его пойдет прахом вместе с его жизнью...

Отсутствующий взгляд купца вяло пробежался по широкому полю, уткнулся в крепостные стены, и он кисло поморщился. Увиденное не особо радовало его. Не первый раз обращал он на это внимание, даже советовал немедленно сообщить об этом в ставку хана Бату.

– О, Аллах! – печально качнул он головой. – Если бы жители моей страны с подобным же рвением готовились к встрече врага, то мне не пришлось бы сейчас помогать тем, кто разорил нашу страну!

Ощущая над собой давление приближающейся страшной беды, болгары споро подправили защитные укрепления. Они расчистили, расширили и углубили рвы, заменили все подгнившие от дождей и от времени венцы, укрепили стены. Видно, нелегко придется тому, кто задумает брать город приступом. Готовы защитники города к встрече лютого врага. На высоких башнях проглядываются четкие силуэты вооруженных часовых. В открытом поле маячат дозорные...

Почтенный, убеленный сединами караванбаши не торопился. Путь им всем предстоял неблизкий, и начинать его следовало неспешно.

От того, что он обернется на день раньше или позже, их бранный мир не перевернется. Скорее всего, их мир перевернется совсем по другой причине. Он прожил достаточно лет, чтобы понимать, что над страной болгар нависла смертельная опасность.

Когда разразится гроза и грянет гром, никто точно не знал. Но в том, что это, в конце концов, произойдет, люди сведущие не сомневались.

Их хозяин, Махмуд аль-Гурганджи, прямо об этом не говорил, но намеками давал понять, что назад можно особо не торопиться. Лучше переждать до следующей весны в Хорезме. Там намного все спокойнее.

И товары останутся в сохранности. Все едино, начнись тут война, покупать их на разоренной болгарской земле будет некому.

Отправляя караван, купец распорядился грузить самые ценные товары: ласкающие взгляд мягкие меха, особой выделки телячью и козью кожу, изделия из сафьяна, мужские сапоги с остро загнутыми вверх носками, изящные женские сапожки и башмачки, несколько десятков особо ценящихся у арабов мечей, изготовленных местными мастерами. Там, на Востоке, ценили непревзойденное искусство.

Неблизкий их путь лежал через крепость Сары-яр, расположенной возле высокого берега Чулман-су. Там груз перегружат на быстроходные каики. И полетят они, гордо расправив паруса, вниз по течению по серебристой водной глади до города Болгар, что стоит чуть ниже места слияния Чулман-су и Итиля. А там их уже поджидает корабль...

Долог и нелегок их путь. Много опасностей таит он в себе. Еще пару десятков лет почти до самого Абескунского (Каспийского) моря по оба берега Итиля лежали земли, которые принадлежали булгарам, а потому плавание по реке не представляло никаких опасностей.

Но из далеких восточных степей примчалась разбойничья орда и установила свои законы. Завоеватели заволокли все степи вниз по течению Итиля, оттеснили булгар, захватили всю саксинскую область.

Но старый караванбаши не слишком беспокоился на этот счет. Пока они путешествуют по земле булгар, караван крепко защищен фирманом эмира, по которому им разрешен беспрепятственный проезд и провоз любых товаров. А когда они покинут пределы булгарского государства, то их надежно начнет охранять и оберегать кожаная пайцза, выданная купцу Махмуду аль-Гурганджи.

Возле Кривой Балки караван замедлился. Под прикрытием верховых две повозки резко свернули и углубились в овраг. К тому времени, когда осела пыль, с того места, где застыли два дозорных, ничего видно не было, а потому воины ничего особо подозрительного не заметили.

Отделившиеся двухколесные арбы, тяжело переваливаясь с бока на бок, медленно шли по дну извилистого оврага. Угрюмые бородатые возчики, то и дело настороженно оглядываясь назад и высоко задирая головы, скользили взглядами вдоль крутого обрыва. Они бдительно проверялись – нет ли за ними быстрой погони. Погоняли они лошадей, торопясь уйти подальше от дороги и поскорее достичь спасительного леса, где их уже, должно быть, с нетерпением ждали. Кто их там ждет, они и сами толком не знали. Но хорошо помнили наказ своего хозяина: человек должен показать кожаную пайцзу и сказать, что гости прибыли.

В самом деле, человек их давно ждал, но сказать, что гости прибыли, он пока не мог. Он и сам с нетерпением ожидал прибытия десятника Кокчу с людьми. Порой по сжатым губам пробегала недобрая улыбка, когда перед его глазами вставало лицо любимца Субэдэя. Если бы оно находилось в его власти, то, не колеблясь, отдал бы приказ придушить наглого щенка или переломать ему хребет. Но приказ, полученный им, связывал ему руки, лишал подобной возможности и гласил: сделать все возможное, что только от него зависит и не зависит, вывернуться наизнанку, но обеспечить все условия для того, чтобы отряд Кокчу беспрепятственно проник в город, прикрыть его своими телами...

Покинув дом купца Хасана, резчик, понуро опустив плечи и согнув спину, опустил голову, уперев свой взгляд в землю, и побрел к площади походкой совершенно уставшего от такой невыносимо тяжелой жизни, непомерно тяжким грузом придавившей все его слабое существо.

Немного времени назад, во время разговора с купцом, его голова гордо возвышалась над плечами. А теперь его трудно было заметить среди замелькавших на проснувшихся улицах горожан, спешивших по своим неотложным делам. Их жизнь тоже нельзя было назвать излишне легкой. Среди них он оказался одним из многих.

Через сотню-другую шагов мастер влился в толпу приехавших в Булгар жителей окрестных аулов. Они тоже спешили к торговым и ремесленным рядам. Им не было никого дела до смуглого человека, так искусно прячущего теряющийся под капюшоном взгляд, со складным столиком и низеньким стулом-скамейкой в руке, с перевешенной через плечо сумкой с инструментами.

Несмотря на то, что Саид встал в это утро очень рано, на площади он появился не самым первым. Его успели опередить хозяева ювелирной лавки, выставлявшие на полки и предлагавшие покупателям изделия из золота и серебра столь тончайшей работы, что заказы им давали самые богатые и влиятельные горожане. Височные украшения, изготовленные ими, носили родная сестра эмира и ее дочь. Напротив их лавки открыли двери сапожники. Рядом копошились, расставляя товар, портные.

Заняв рабочее место, резчик расставил столик, тяжело опустился на коротенькую скамью, кинул перед собой сумку с инструментами, даже не стал ее раскрывать и впал в задумчивость. Пока никто и ничего ему не мешало, а потому все его мысли устремились во дворец эмира, где обретала та, кто мог бы и должен был помочь ему в этом трудном деле, достать и принести заветный перстень, хотя бы прийти сама...

Гордая и своевольная племянница эмира. Нелегко добиться того, чтобы она согласилась и пришла на встречу с ним. Он должен найти подходящие слова, чтобы убедить ее в этом...

– Аллах да поможет тебе, мастер! Пусть он пошлет тебе удачу...

Услышав за спиной знакомый голос, Саид обернулся и поначалу в недоумении прищурился. Голос человека он знал, а самого его нет.

– Все во власти Всевышнего! – с вежливым поклоном ответил он. – Если Всемилостивый Аллах того пожелает...

– Привет от Джелаль Эд-Дина... – губы молодого купца смеялись, хотя лицо его оставалось непроницаемо неподвижным. – Я принес то, что ты просил...

Жаркое нетерпение всполохнулось в груди мастера. Но он все-таки сдержал свой безотчетный порыв, боясь, что окружающие их люди могут что-то заподозрить, и равнодушным голосом произнес:

– Покажи, я посмотрю, что можно на нем начертать...

Говорил резчик больше для прохожих, настороженно ощупывая их своим цепким взглядом.

– Скажи, ты узнаешь знаки? – спросил Али, нависая над столиком и закрывая от любопытных глаз диковинную вещицу, которую он подал резчику. – Та ли надпись тут начертана?

– Да, – внимательно всмотревшись, кивнул Саид, – она как две капли воды похожа на ту, что я видел на кольце, которое мне показала...

Он специально не стал вслух называть имя той, что заказывала ему надпись на кинжале. Тот, кто стоит рядом с ним, все поймет.

Мастер вспомнил, где видел человека. Тогда тот прибыл в облиии благообразного старика. Лишь глаза и губы того остались прежними.

Он даже вспомнил, как звали старика. Кажется, тот в шутку назвал себя Юнусом. Юнус... Янус Двуликий. И точно, незнакомец вполне соответствовал имени. Менял он свой внешний облик с невообразимой легкостью. И с его появлением всегда что-то происходило. Он своим приходом будто открывал или запуская новое событие.

– Куда мне ее привести? – тихо, вполголоса, не поднимая головы, спросил мастер. – В дом Хасана?

– Нет-нет, это очень опасно, – почти не шевеля губами, ответил Али, старательно делая вид, что внимательно рассматривает безделушку с замысловатой надписью, протянутую ему резчиком. – С ней охрана. Мы наведем след на нужного нам человека. А он нам еще пригодится... Не стоит плевать в колодец, из которого еще придется напиться.

– Не думаю, что у дворца эмира схватить ее будет легче, – буркнул Саид, понимая, что все усложняется.

Ему казалось, что заманить в дом купца девушку легче. Для этого-то удобный предлог всегда найдется, оно не вызовет особых подозрений. И на этом его задача будет выполнена. А все остальное его уже никак не касается. Что хотят и как хотят, только уже без него. Но не он на этот раз все решает. И все с самого начала стало складываться не по его плану, не по тому, как он все себе предполагал.

– И где же ты хочешь устроить засаду? – задавая вопрос, резчик протянул амулет с заклинаниями.

– Надобно, – шептал себе под нос Али, задумчиво водя пальцем по красиво выполненной арабской вязи, – чтобы девица появилась в ремесленных слободах. Улочки узкие и кривые,

легко устроить засаду. Напасть сзади. Обезвредить всю охрану. Выкрасть девчонку. Скрыться. Замести за собой следы.

– Сказать легко, – Саид хмыкнул. – Подскажи, как все сделать.

В пронзительных глазах молодого купца вдруг заиграла ироничная насмешка, его губы раскрылись:

– Придумай. Говорят, ты на это мастак. Тебе за это хорошо платят.

– Платят...

На лицо резчика опустилась тень, возможно, несколько запоздалого раскаяния. Он едва слышно выдавил из себя:

– Как бы эти золотые мне потом поперек горла не встали...

Прекрасно понимал Саид, что мертвецу деньги не нужны. Говорят, что в раю денег нет. Деньги ему нужны здесь, в этой жизни. Только как бы не лишиться ее, этой самой единственной жизни. Из-за этих денег, без которых и жизнь сама уже не в жизнь. Сплошной замкнутый круг.

– Ты должен с ней встретиться ближе к закату солнца, – еще больше подлил масла в огонь сомнения невозмутимый Юнус, и только веселые смешинки бесились в его замерцавших на короткое мгновение глазах. – В надвигающейся темноте легко скрыться. От возможной погони уйти. Легко отбиться. Затеряться. Затаиться на время. Переждать переполох.

– Согласится ли она... – задумчивый палец резчика вырисовывал на столе непонятные непосвященному человеку таинственные знаки.

Видя тень сомнения на лице мастера, Али поучительно изрек:

– Девчонка своенравна и взбалмошна. Ничто и никто не остановит ее, если ей чего-то захочется. Придумай, как выманить ее из дворца. Заинтересуй ее так, что она не утерпит, не усидит у себя во дворце, примчится, чтобы глянуть на перстень. Принцесса...

– Тише! – Саид испуганно зашипел. – Не называй ее имени вслух! Тут кругом уши! Один раз это чуть не стоило мне жизни. В другой раз может столь не повезти, и тогда неминуемая расплата за неосторожную болтливость настигнет мгновенно...

– Ты стал пуглив, как молодая лань, – язвительно скривился Али. – А мне говорили, что ты сильно смел. Наверное, то золото, что обещали тебе, лишило тебя остатков мужества...

Нанизывая обидные слова одно на другое, он не забывал цепким взглядом шаг за шагом прочесывать площадь, внимательно осматривать одно лицо за другим. Но ничего подозрительного Али пока не заметил, и это придало ему большей уверенности в успехе того, что они затеяли.

– Ты, мастер, еще можешь отказаться. Мы обойдемся и без твоих услуг. Но запомни! – в голосе купца проскользнула неприкрытая угроза.

– Вы не заплатите мне моих денег? – угрюмо усмехнулся Саид. – После того, как я с невероятным трудом нашел это кольцо?

– Денег не видать тебе, как собственных ушей. За твою несчастную жизнь я бы не дал того, что дают за ощипанную к обеду тощую курицу, что перестала нести яйца. Запомни, мастер. Не угроза, а пожелание...

Вставшее солнце начинало всюю пригревать, но на резчика печатей повеяло леденящим холодом смерти, и он непроизвольно поежился.

Таинственный посланец могущественных татар умел убеждать без лишних слов. Хочешь, не хочешь, а назад путь отрезан.

Дождавшись, пока молодой купец не скрылся в густой толпе, Саид, преодолевая предательскую дрожь в коленках, встал, выпрямился.

Сделав глубокий вздох, он, успокаивая застучавшее сердечко, собрал столик и направился к лавке портного, с которым у него установились вполне приятельские отношения после того, как он за символическую плату начертал на амулете священные слова из Корана.

– Присмотри, уважаемый! – прижав руку к груди, попросил он.

– Да, Саид! Для тебя, друг, ни в чем отказа не будет, не говоря уже о сущей малости! – расплылся в благожелательной улыбке портной, у которого с некоторых пор все дела пошли в гору.

А именно с того дня, как он повесил себе на шею амулет с красивой арабской вязью, день и ночь оберегающей от злых людей и напастей.

– Я туда и назад...

Подставляя горевшее лицо свежему ветерку, резчик остужал свои мысли, возвращал их бег в привычное, спокойное и размеренное русло.

Конечно, слова Януса Двудикого не повисли простыми угрозами, но пока для их исполнения не было видимых причин. Он же не отказался выполнить то, что ему поручили. Другое дело, он выразил сомнение в правильности той части плана, что касалась места и времени засады.

Оно все безмерно усложняло его задачу. Но ежели хорошенько все обдумать, взвесить все «за» и «против», то еще остается надежда на то, что все выйдет так, как они задумают. Да ниспошлет им Аллах удачу!

Найдя укромное местечко возле городской стены, Саид опустил на корточки, опустил голову, прикрыл веки. Ему необходимо найти слова, которые смогут убедить девушку. Ему надо найти способ, чтобы потом передать эти слова. Он не джин и не пери, пока еще летать не научился.

Вспомнив, сколько времени потратил, чтобы устроить предыдущую встречу, резчик грустно усмехнулся. А сейчас он все должен устроить всего за один денек. Правда, у него появились новые знакомые. Можно представить все так, будто оно нужно не ему, а самой Принцессе...

«Так-так! – похвалил сам себя Саид за сообразительность. – Именно с этого я и начну...».

Глава IV. Татары на отдыхе

Отпустив качнувшуюся колючую сосновую лапу, Угхах повернулся и вразвалку зашагал к своим людям. Взгляд его сумрачный наткнулся на стволы вековых деревьев.

Совсем не похожи эти места на их родные степи. Даже на берегах Хазарского моря он чувствовал себя намного лучше, хотя и там к нему постоянно подступала жестокая тоска по умершим жене и ребятишкам. Там все дышало свободой: привольные степи, свежий морской воздух...

После очередной перекочевки, когда их лошади до самых корней объели жухлую траву, Субэдэй-багатур дал команду поставить себе юрту на высоком кряже морского берега, около устья ленивой мутной реки, входом на водную гладь.

На высоком утесе выросла его приземистая юрта с белым верхом, повернутая дверью на юг, в сторону грозно накатывающих на берег и рокочущих грязно-зеленых волн. Отстранившись от всех забот, Субэдэй сидел на потертом седле у входа и подолгу направлял свой выпученный глаз на бушующее темное море и сипло кряхтел.

И грязная вода с белыми барашками пены, и налетающий дикими порывами ветер, и огромные рыбины, и стремительно проносящиеся над волнами птицы не напоминали родных озер монгольской степи...

Уйдя из теснин Кавказских гор, они снова выбрались в привольные степи с высокой травой, озерами с плавающими на них птицами. Места оказалось много, и кругом пасся жирный скот, отобранный у кыпчаков.

Скота полно. Тучные быки с могучими шеями и загнутыми внутрь рогами. Жирные бараны с их таскающимися по земле курдюками. Тонкорунные овцы. Мягкие войлоки, выделанные кыпчаками из их шерсти, были белыми, как верхушки заснеженных гор. И просторные юрты, покрытые войлоком, белели в степи, как корбочки хлопка.

Монгольские воины каждый день вдоволь объедались мясом, ничего не делая, валялись целыми днями на роскошных персидских коврах.

Тысячники выезжали на охоту с соколами или устраивали скачки, хвастались друг перед другом конями – коренными монгольскими и что захватили они в пути: туркменскими, персидскими и кавказскими...

Своенравный Джебэ поставил юрту вверх по течению реки Калка, среди бескрайней степи на высоком кургане. Вокруг походного шатра темника во все стороны расстилалась убегающая к горизонту равнина.

Через нее на полночь уходила цепочка сторожевых курганов, по которым передавался тревожный сигнал о надвигающейся опасности зажженными факелами или дымом костров...

Очнувшись от сонного оцепенения, Субэдэй вызвал тысячников.

– Ваши нукеры ожирели! – наливаясь темной кровью, угрожающе зашипел он. – Теперь ни одна лошадь не потащит их на себе! Вы забыли про свои обязанности! Напомнить вам, что сказал по этому поводу...

Понуренные темники молчали. Они поспешно проводили ладонями по мгновенно вспотевшим лбам. Нет, напоминать им не имело смысла.

Они все знали наизусть билек (наставление) Чингисхана: «Всякий, кто может вести верно дом свой, может вести и владение; всякий, кто может устроить десять человек согласно условию, прилично дать тому и тысячу, и тумен, и он может устроить хорошо...».

Эти слова открывали им дорогу. Но дальше шел недвусмысленный наказ о том, что всякого не справляющегося со своими обязанностями командира ждало неминуемое разжалование, а то и смертная казнь.

Новым начальником тут же назначался человек из этой же тысячи, сотни, десятка, что наиболее подходил для исполнения должности.

– В течение шести дней устраивать состязания, на седьмой устроим смотр. Чего встали? – сдерживая клокочущее бешенство, промолвил Субэдэй. – Выполнять!

Когда тени поспешно удались от его шатра, темник насмешливо постучал пальцем по седлу и снисходительно покачал головой:

– Без хорошей плетки любой человек обращается в ленивую бабу...

За каждым нужен глаз да глаз. Глаз умный и неординарный. Такой, как у Темучина. Великий каган умел подбирать верных помощников.

Только человек, как Чингисхан, обладающий незаурядным талантом, мог бы сказать: «Нет багатура, подобного Есунбаю, и нет человека, подобного ему по дарованию. Но так как он не страдает от тягот похода и не ведает сам голода и жажды, то считает всех прочих людей, простых нукеров и ратников подобными себе в перенесении тягот. Они же не в силах. По этой причине он не годен быть начальником. Достоин же быть таковым тот человек, который сам знает, что такое голод и жажда, и судит о состоянии других, тот, который в пути идет с расчетом и не допускает, чтобы войско голодало, испытывало жажду, а скот отощал».

Когда нукеры обзаводятся жирком, становятся тяжелы на подъем, то и войско становится неповоротливым и сильно обременено излишней добычей. Из-за нее воины теряют свою храбрость, больше думают о сохранении добытого, чем о славе своего оружия и наказа их Великого повелителя. Сытый и богатый не столь храбр, как нищий и голодный...

В орде монголов всегда уважались только храбрость, сила и ратное искусство. Только эти качества позволяли выжить в Великой степи.

Все же остальные достоинства человека, если они не сочетались с достоинствами храброго воина, ни во что не ставились. Трусость и слабость презирались открыто и беспощадно. Нemoшь увечного и бессильная старость ни в ком не вызывали сострадания и жалости.

Им все открыто и даже с не скрываемой усмешкой говорили, что лучше бы им, сирым и убогим, раньше с честью умереть в открытом и честном бою, чем мирно дожить до унижительного состояния, когда человек становится никчемной обузой для других...

По приказу Субэдэя теперь каждый день на огромной площади рядом с каждым куреном проходили воинские упражнения, в которых принимали участие все свободные от караульной службы воины, от простых нукеров до самих тысячников включительно.

На второе утро темник неожиданно нагрянул во вторую тысячу и устроил в том лагере настоящий разнос. Он прошелся по становищу, заглянул в шатры, приказал собрать в кучу всех тех, кто отлынивал от упражнений или по тем или иным причинам на то время ошивался при кухне, возле пасущихся табунов, стад и отар.

– Этим всыпать по десять плетей! – Субэдэй хмурo кивнул в сторону нерадивых воинов. – Впредь будет им наука. Десятников этих ленивцев наказать перед строем десятников пятью ударами, чтобы сами впредь следили за своими воинами...

Молчаливые таргауды отогнали в сторону провинившихся воинов и повели на то место, где в ту пору упражнялись их товарищи, чтобы провести перед всеми показательную порку...

– Каждому барану по его заслугам...

Каждый должен отвечать за свои поступки и упущения по службе. Тонкие губы монгольского начальника дрогнули в иронической улыбке.

В странах заходящего солнца всюю гуляют небылицы о том, что дисциплина в монгольской армии поддерживается невероятными по своей жестокости мерами. К примеру, если в бою два-три человека из десятка отступили – казнят весь бедный десяток. Мол, таких методов устрашения не знала до этой поры ни одна армия мира. Даже децимация в Древнем Риме – лишь казнь каждого десятого труса, бежавшего с поля боя. Но... не знала этого и монгольская армия. Все сплошь выдумки...

Глупцы, все они, видно, неправильно прочитали Плано Карпини, который писал: «Если из десяти человек бежит один или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются. И если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступали сообща, то все бегущие умерщвляются».

Все же ясно и понятно написал про них Карпини: казни подлежат именно трусы, бежавшие с поля боя, но никак не все их товарищи, соратники-храбрецы. Их, монголов, до того мало на этом свете, что каждого следует беречь, посылать в бой с умом...

– А это еще кто? – правая бровь у полководца изумленно изогнулась.

– Этот состоит помощником при кухне, этот помогает пасти табун... – начал перечислять тысячник, пряча в сторону виноватые глаза.

– При кухне хватит помощником и одного немощного старика, – хмыкнул Субэдэй. – И никаких других помощников больше не надо. Все любят быть помощниками при котле. Вооружить мечами. Дать им из табуна лысых шелудивых меринов, отправить их в передовые сотни. Пускай их хорошенько поучат военному делу. Выйдут из них хорошие воины, знать, и добрые кони у них заведутся, и седло, и броня. А если воины плохие выйдут из них, то убьют их в первой схватке. Потеря для нас небольшая... – язвительно добавил он.

Разогнав и пристроив всех бездельников, темник проехал мимо того места, где устроили состязания и упражнения в рубке и умении владеть копьём. Всадники неслись во весь опор и на полном скаку направо и налево рубили саблeй тонкую лозу или же поражали копьём набитые травой чучела и расставленные мишени.

Чуть дальше воины из других сотен старались превзойти друг друга в искусстве бросать аркан или же пущенной из лука стрелой, к которой подвязывали куски горящей пакли, старались поджечь щиты из веток и соломы, поставленные на значительном удалении.

Остановился Субэдэй на том самом месте, где устроили состязание в стрельбе из лука. Воину, из шести своих стрел не попавшему два раза, не вонзившему две стрелы из шести в чучело человека, выставленное на удалении ста двадцати шагов, под общий смех туго набивали колчан соломой. На него обрушивался позор, который можно было смыть, только не совершив ни одного промаха на следующей стрельбе.

– Тьфу! – сплюнул Субэдэй, когда под его пристальным взглядом нукер не справился, промахнулся. – Разжирели, руки трясутся...

Вспотевший тысячник незаметно кивнул, и тут сотник вытолкнул вперед молодого нукера с едва заметным темным пушком на губах.

– Твоя очередь, покажи нам свое умение!

Не ожидавший подвоха от своего сотника, юноша весь набычился, выдвинув вперед левое плечо, потупился. Казалось, еще немного и на его глазах выступят слезы. Как-то неуверенно взял он лук в левую руку, готовясь к стрельбе, неловко вытянул стрелу из колчана.

– Ха, молокосос еще... – пожевал губами Субэдэй, уже собираясь двигаться дальше. – Молоко на губах не обсохло еще...

Ему и не хотелось смотреть на сущий позор. Докатались до берега моря Черного, совсем позабыли, как лук боевой держать в руке.

Старой гвардии пора на покой, а молодежь еще не поспела, сыра, как лепешка, снятая с горячих углей до поры до времени.

– Стрелять-то его толком не научили. Нашли, что мне показывать...

Угрюмое недовольство стремительно росло. Лучше бы он поручил проверку сотникам из своей охранной тысячи. Те бы нашли не меньше недостатков, из кожи бы вон вылезли, постарались, обо всем ему мигом доложили. Но, удобно сидя в шатре, многое воспринимается совсем по-иному, не эдак больно режет по его стареющему сердцу.

Отворачиваясь в сторону, Субэдэй заметил, как тоненько пропевшая стрела угодила в голову чучела.

– Случайность... – скептически скривил он губы. – Чутьочку выше и промахнулся бы. Целил в пузо, а попал в нос. Бывает. В следующий раз стрела пролетит между ног...

Но вторая стрела воткнулась, мелко задрожала рядом с первой, и взгляд полководца несколько оживился. Два раза подряд в одно и то же место не промахиваются. Выходит, юный лучник бьет именно в голову чучела. Или же все-таки ему пока невероятно сильно везло...

Третья стрела угодила в район шеи, и правая бровь темника начала изумленно изгибаться. Такого он давненько уже не видел. Следующие две мастерски выпущенные стрелы, поразили поочередно оба плеча, а последняя, шестая, вонзилась в живот.

– Кхе-кхе! – довольно заклекотал Субэдэй.

Прищуривая свой единственный глаз, ткнул рукой в сторону нукера:

– Он заработал право выпустить еще шесть стрел. Пускай стреляет. А мы на него посмотрим...

Не смущаясь, молодец выпустил еще шесть точных стрел и получил в награду двенадцать овец.

На седьмой день назначили смотр...

После объезда тумена Субэдэй приказал взять по четыре сотника и по тридцать начальников десятков из каждой тысячи. Послал темник их проверить состояние оружия, коней и снаряжения в другие отряды.

Он строго предупредил: если начальники второй тысячи проверяют воинов четвертой, то начальники четвертой тысячи не могут проверять воинов второй. И точно так же во всех других тысячах.

Полководец знал, что мелкие наяны, соперничающие между собой, желая выслужиться, спуску друг другу не дадут.

Наблюдать за смотром он послал шестьдесят опытных нукеров из сменной гвардии – по десять на каждую тысячу. Эти нукеры стоили сотенных командиров. Сам он решил осмотреть одну тысячу тумена, затем одну-другую сотню из других тысяч.

Субэдэй лично проверял третью тысячу. И всадники, и лошади были защищены доспехами, в основном из особо вываренной буйволово́й кожи, которая для большей прочности покрывалась лаком. Завоевания в Китае и в Средней Азии позволили не только нойонам-тысячникам, но и многим простым воинам иметь железные пластинчатые доспехи.

Трубы пропели «Внимание и повиновение!».

От сотни отборных всадников отделился один сухощавый наян в блестящем ребристом шишаке с пером ворона, в темном халате поверх байданы – длинной, до самых колен, кольчуги. Остановив коня, нойон склонился ниже гривы, показывая узкую спину, и покорно ожидал приближения темника. На своем огромном жеребце он казался со спины юношей, но это был один из старейших монгольских военачальников.

– Говори, Мунлик, – приказал Субэдэй, подъехав на корпус лошади.

Выдержав приличествующую паузу, тысячник разогнулся, глухим голосом прокашлял:

– Мудрейший! Тысяча «Крыло беркута» ждет твоих приказаний.

Щурясь единственным оком, полководец скомкал повод, впился взглядом в морщинистое лицо Мунлика. Он пытался залезть в самую глубину тускловатых старческих глаз, в потаенные мысли тысячника.

Верно ли служит он, как служил прежде, ни разу ничем не запятнав себя? Такие ему нужны. Они уравнивают молодых нойонов, тех, кто вскарабкивается по чужим трупам на вершину власти, стремясь, во что бы то ни стало, но выполнить любой приказ. Их нисколько не интересует, что путь за ними выложен трупами...

– Почему я не вижу седьмой сотни? Почему в других сотнях я вижу неполные десятки? – резко спросил Субэдэй, заранее предвидя ответ, но желая показать всю зоркость своего глаза, напомнить, что он вышел не из родовитых нойонов, мало смыслящих в войске.

– Седьмая сотня несет охранную службу и ведет дальнюю разведку, как ты приказал, на удалении трех дневных переходов. Ты видишь другие неполные сотни, потому что один десяток я послал захватить шайку, ворующих коней и скот. Этим людей ждут к вечеру. Два десятка я послал к гуртам: нынче режут много баранов и готовят большое угощение воинам в честь твоего приезда. Имеются также заболевшие.

– Много ли заболевших?

– Примерно три-четыре десятка в тысяче.

Недовольно покачивая головой, Субэдэй нахмурился.

– Монголы изнежились в богатых юртах и разврате городов. Они уже не волки, а сытые домашние псы, которые подымают, если хозяин выгонит их в поле. Но я снова сделаю их тощими волками, и от воя этой грозной стаи содрогнутся правители и народы.

– Великое благо для нас, – угодливо заметил один из нойонов.

– Тех нукеров, что нынче заняты работами, ты, Мунлик, на смотр представишь моим людям не позже завтрашнего дня.

Тысячник поклонился, а Субэдэй скрыл усмешку. Мудрый темник знал, кого в день большого смотра посылают за неотложным делом – самых худых и глупых воинов, у кого не в порядке личное оружие и снаряжение, заезженные и хромы кони, тех, кто хуже других обучен воинским приемам...

Первая сотня – отборная. Рослые плечистые всадники от двадцати пяти и до тридцати пяти лет. Безбородые и вислоусые, с угрюмыми глазами. Все, как один, – на широкогрудых буланных лошадях в темной сбруе, горячей медными бляхами, в черных кольчугах и в стальных черненых шишаках, украшенных перьями беркута.

Ни серых, ни каурых, ни саврасых или соловых коней. Лишь одни буланой масти. Недаром тысяча называлась «Крыло беркута».

Субэдэй обычно посылал их ломать последнее сопротивление и преследовать разбитого противника. И воинам их тысячи доставалось немного военной славы. Они, как зловещие птицы могил, хоронили разгромленную армию врага. Первая сотня «Крыла беркута» на буланных скакунах считалась своеобразной гвардией тысячника, его постоянным резервом. Ее полководец лишь окинул взглядом и проехал мимо – тем он выказывал свое доверие к старому военачальнику. Он остановился перед третьей, соскочил с коня, бросив повод нукеру. Место подле Субэдэя тысячник уступил начальнику сотни – свой отряд показывать тот должен сам. С тысячником Субэдэй будет говорить после смотра.

Воины лишь замирали при его приближении, опуская головы. Перед каждым на чистых потниках, кошмах, пополах было разложено оружие: саадаки, состоящие из лука, налуче, двух-трех колчанов со стрелами, мечи в ножнах. Возле них лежали круглые щиты, копья с железными крючьями для стаскивания с седла вражеских всадников. Выстроились рядком и длинные булавы, легкие пики, ременные и волосяные арканы, железные наконечники для стрел, запасные тетивы для луков.

Сбоку разложили походное снаряжение: седло, два турсука – для воды и пищи, небольшая палатка, кожаные сумы для зерна, легкий топор, мелкое сито, шило, оселок и пилка для заточки стрел, хомутные и швейные иглы, клубки ниток и сученой дратвы, вар, куски желтой ваты и серой ткани для перевязывания ран. У иных лежали небольшие глиняные сосуды с самодельными снадобьями – ими не запрещалось пользоваться, хотя в войске имелись специальные лекари.

Немигающее око Субэдэя легко перебегало с предмета на предмет. Изредка он приказывал подать ему меч, лук, колчан со стрелами, седло или топор. Хватал он своими нервными руками, проверял, остро ли отточено лезвие, туга ли тетива, нет ли шаткости в насадке копий и топоров, испытывал на разрыв прочность дратвы и ниток – на войне нет мелочей. Время от времени подходил к лошадям – у каждого воина в строю их имелось по две. Кошачьим движением скользил от храпа к надглазьям, по шее к груди, лез под мышки и в пах, властной хваткой заставлял коней сгибать стопу, дотошно осматривал копыто. Лошади цепенели, едва он их касался. И лишь когда человек отходил, начинали они громко всхрапывать и мелко-мелко дрожать от запоздалого ужаса, рожденного прикосновением властных и нервных рук.

Полководец остался доволен. В первых рядах стояли крепкие воины в железе. В последних шеренгах проглядывались кожаные доспехи, но были они многослойными и почти непробиваемыми.

Субэдэй ткнул пальцем в нукера:

– Доложи твое место в строю!

Воин быстренько и толково ответил.

– А ежели при атаке развернутой лавой?.. А ежели убьют твоего командира? А соседа справа... слева? – каверзные вопросы сыпались один за другим, но нукер, не тушуясь, отвечал.

Перейдя к другому десятку, темник ткнул рукой:

– Ты! Говори: где твое место в походе?

– Третье после начальника, в правой колонне.

– А твое? – Субэдэй ткнул в другого.

– Последнее в колонне десятка... рядом с лошадьё, навьюченной имуществом десятника.

Полководец спросил каждого нукера, никто не повторился, и ответы дали картину правильного походного строя десятка. Торопливо перешел в другую сотню, ткнул в плечистого, настороженного воина.

– Ты! Защищайся! – он схватил лежащее на кошме хвостатое копьё, отступил на два шага. – Ну!..

Воин оторопело поднял щит – меч висел у него на правом бедре, бросил растерянный взгляд на своего начальника. Но копьё в руке темника молниеносно метнулось вперед. Воин едва успел прикрыться, как острие копья с грохотом пробило крепчайшую бычью кожу щита. Лишь крюк задержал его движение и спас воина от тяжелой раны.

Мгновенно покрывшись потом, тот отскочил. Позади испуганно захрапели лошади. Субэдэй, хрипя и обнажая меч, прыгнул вперед, наступил на хвост копья, и тут же щит вылетел из рук его противника, и сверкающее полукружье сабли едва не задело голову воина.

Вывав меч, тот с трудом отразил новый удар, защищаясь, отступал, а двое телохранителей с обнаженными клинками неотступно двигались по обе стороны, готовые вмиг вмешаться. Стройные ряды спешенных всадников нарушились. Всем хотелось увидеть необычный поединок.

Наконец, ярость начала охватывать воина, и он уперся. Его удары стали короче, жестче. Выпады все больше напоминали угрожающие движения змеи, когда она всерьез собирается применить жало и как бы нащупывает мгновение броска. Глаза сузились, налились непритворной злобой. Темник все еще теснил его...

И вдруг неожиданный боковой удар заставил Субэдэя отпрянуть.

– Собака! – бешено крикнул тысячник, хватаясь за свой меч. – Тебе сказано – «защищайся»!

– Нападай! – взвизгнул Субэдэй и в свою очередь прямым разящим выпадом заставил противника шархнуться. – Прочь, шакалы!

Телохранители чуть попятились, но еще сильнее насторожились.

Поостыв, медленно отступая под непрерывными ударами, воин стал соображать, что дело его плохо: либо темник зарубит его, либо он ранит темника, и тогда его растерзает стража. Обезоружить Субэдэя он тоже не мог – ему никогда не простится, да и сделать это нелегко: враг силен.

Жестоко теснимый, прижатый к стене безмолвных зрителей, мокрый с головы до ног от ужаса, воин призвал на помощь Богов. Рука его ослабила хватку, меч, звеня, отлетел в сторону, воин рухнул на колени.

– Пощади, великий!..

И лишь крик удержал занесенное оружие, ярость отхлынула, темник шагнул к поверженному воину, ударил мечом плашмя по его плечу.

– Встань!.. Ты смелый и ловкий боец. Не растерялся от внезапного нападения. Не побоялся обнажить оружие против командира, выполняя его приказ. Ты бился зло и умело, и ты выпустил меч только потому, что перед тобой стоял твой командир.

– Великий! Ты победил не высоким именем, а силой и искусством!

Злая усмешка искривила узкое лицо полководца:

– Мои воины стали такими же лживыми лисами, как придворная челядь? Будь на моем месте другой, разве ты не зарубил бы его?

Страх потерять голову сделал воина красноречивым.

– Великий! Будь на твоём месте равный тебе боец из простых всадников, я все равно был бы побежден. Убей меня за то, что не смог удержать меча, который ты мне доверил. Но, клянусь, я сделал все, чтобы удержать его.

Это была та самая искренняя ложь, которая составляет лучший вид лести, понятной лишь искусственным. Владыки, неизбежно окруженные лживыми и продажными подхалимами, любят лести искреннюю.

– Великий! Я буду грызть твоих врагов, как верный твой пес.

– Хорошо... Ты! – темник повернулся к другому нукеру. – Что ты возишь в седельной сумке? Всему десятку выложить в ряд снаряжение!

Десятник и сотник засуетились. Они лично отвечали за готовность своих воинов. Они перед каждым походом должны были проверять все снаряжение каждого своего нукера – от полного комплекта вооружения до иголки с ниткой. Если осмотр проводился поверхностно, и младший командир что-то упустил, не досмотрел, то наказанию подлежал не только провинившийся воин, но и его командир...

– Показывай!

С особой тщательностью Субэдэй осмотрел склянку с защитным лаком, который наносился и на кожаные доспехи, и им же покрывались части боевого лука. Монгольский лук был коротким и широким. Его делали составным: помимо нескольких слоев дерева использовались костяные накладки, которые увеличивали силу натяжения. Если лак вдруг оказывался старым и непригодным, то он быстро трескался. Лук рассыхался. А вот в сырую погоду, наоборот, деревянные части быстро разбухали, теряли свою упругость, снижая боевые качества оружия.

Поручив тысячнику самому проверять остальные сотни, Субэдэй направился к строю седьмой тысячи. Тысячи, начиная с седьмой, представляли в отличие от тяжеловооруженных первых шести легкую конницу. Вооружены они были попроще: у воев имелись только луки, колчаны со стрелами и сабли. Доспехов ни у воинов, ни у лошадей не имелось. Но это обстоятельство, отнюдь, не делало этих воинов в бою слишком уязвимыми. Все дело заключалось в том, как применялась в бою легкая конница, и в уникальных боевых качествах лука. Впрочем, не меньшая заслуга в том имела и самих метких стрелков из лука.

Монгольский лук по своим размерам был сравнительно небольшим, но исключительно мощным и дальнобойным. Относительно малые его размеры диктовались особенностью его применения. Стрелять с коня из длинного лука, подобного английскому, через сотню лет погубившему французскую рыцарскую конницу в битве при Креси, невозможно.

Легкая конница играла в бою далеко не второстепенную роль. Бой всегда начинали лучники. Они атаковали противника несколькими разомкнутыми линиями-цепями, накатываясь волнами, непрерывно обстреливая его из луков. Всадники первых рядов, выбывшие из строя или к тому времени израсходовавшие весь запас стрел, мгновенно заменялись воинами из задних шеренг. Если враг не выдерживал этого массированного обстрела и поворачивал к ним свой тыл, то легкая конница, кроме луков, имевшая на вооружение и сабли, сама же и довершала разгром. Если же противник, выстояв, сам контратаковал, то монголы ускользали, не принимая ближнего боя, притворно отступали, заманивая врага под неожиданный удар из засады.

Ложное отступление – главная, но далеко не единственная новинка в тактике действий монголов. Исключительная маневренность их легкой конницы позволяла ей почти мгновенно перестраиваться по ходу боя и наносить разящие удары в самых неожиданных местах.

Противник же зачастую попросту не успевал перестроиться, а если даже успевал это сделать и встречал один отряд, то тут же получал удар в неприкрытый фланг от другого отряда.

Выполняли лучники и не менее важную в бою разведывательную функцию. Иногда они наносили, казалось бы, совершенно бессистемные удары то по одному, то по другому месту. На самом деле они проверяли готовность обороны противника, нащупывали его наиболее слабые и самые уязвимые места. А от этого затем не в малой степени зависело и направление главного удара, наносимого кешиктенами, багатурами и тяжеловооруженной конницей...

Взяв в руки лук, Субэдэй осмотрел его и неодобрительно покачал головой. В некоторых местах лак потемнел, по нему побежали светлые паутинки почти невидимых глаз трещин.

– Всыпать ему пять палок! – коротко бросил темник.

Наказание автоматически распространялось и на командира десятка, допустившего недосмотр. Если такие найдутся и в другом десятке, то свое наказание получит и сотник. Одна из статей великой Ясы гласила, что за проступки своих солдат – расхлябанность, плохую готовность, тем более тяжкое воинское преступление – командир наказывался одной мерой с ними. Если же нукер подлежал смертной казни, то и командир мог быть казнен вместе с ним. Об этом ни десятники, ни сотники, ни сам тысячник ни на одно мгновение не забывали, помнили.

– Лак плохой... – коротко буркнул тысячник, нервно поеживаясь и поводя плечами, ибо ему не раз докладывали, что тот состав, который им выдали интенданты, оказался непонятным суррогатом.

Сколько его ни наноси, все равно трескается. Хорошо нажились на поставках армии. Может, всему виной был слишком влажный климат.

– У тебя одного? – глаз Субэдэя стал наливаясь кровью.

– Я отвечаю лишь за своих людей, – пряча взгляд, ответил тысячник. – Что дают другим, не смотрю.

– Ответишь! – пригрозил ему темник. – Лук – твое главное оружие!

В надежных руках лук один обеспечивал неуязвимость конника без надежных доспехов. Далеко летящие стрелы монголов уже косили врага, в то время как стрелы их противников еще не долетали до цели или достигали ее на излете, не пробивая и плотной шерстяной одежды.

Но если возникала острая необходимость сблизиться, то лучники компенсировали остро возрастающую уязвимость усилением темпа и плотности своей стрельбы, да так, что враг боялся голову из-под щита высунуть. В бою монгол успевал за одну минуту выпустить шесть-восемь стрел. А сколько их мог выпустить атакующий лавой тумен...

А потому каждый нукер должен был представить своему командиру три больших колчана, наполненных по шестьдесят стрел.

Сами по себе монгольские стрелы представляли нечто особенное. Существовали особые бронебойные наконечники: под кольчужный, под пластинчатый и под кожаный доспехи. Были стрелы с очень широкими и острыми наконечниками. Иначе их называли «срезень». Способны были они отрезать руку, а то и всю голову. У командиров всегда под рукой имелось несколько свистящих сигнальных стрел.

– Покажи мне свою саблю! – приказал Субэдэй нукеру, стоявшему в самом последнем ряду.

Знал темник, что обычно нерадивые командиры ставили назад своих самых худых солдат в надежде, что проверяющий до них не дойдет.

На таких у старого барса был особый нюх. Он безошибочно находил нерадивцев среди сотен исправных нукеров. По одному их прячущемуся взгляду, по понурому виду, по мелкому подергиванию пальцев.

– У-у-у! – зашипел он, низко подвывая. – Тупой палкой ты и тыкву не перерубишь! Чем будешь рубить врага?

После лука самое важное оружие легкого конника его сабля. Клинки очень легкие, слабоизогнутые и рубящие с одной стороны. Такая сабля была орудием боя по отступающему противнику, когда бегущего врага рубили со спины, не ожидая встретить серьезного сопротивления.

Именно в таких условиях оружия лучше, чем легкая сабля, не было: она не утруждала руку и, между прочим, что являлось немаловажным, выводя врага на определенное время из строя, как правило, не лишала его самой жизни – и побежденные потом становились пленниками.

Для ведения массированного наступательного или встречного боя сабли были малоэффективны, и тогда главную роль играла тяжелая конница с массивными палашами и мечами, также слегка изогнутыми...

Лишь вскользя Субэдэй, возвращаясь после обхода, посмотрел на стройные ряды своей охранной первой тысячи. Как и все кешиктены Чингисхана, его багатуры вооружены были намного разнообразнее, чем легкие конники. Они держали в своих руках мощные копыя – пики, мастерами во владении которыми были уруты и мангуты, в недавнем прошлом едва не разнесшие в отчаянной копейной атаке во много раз их превосходившую армию кераитов. У многих копыя были с крюком, предназначенным для стаскивания врага с лошади. Кроме того, каждый имел аркан из конского волоса – легкий, прочный и длинный.

Багатуры, такие, как кешиктены и нойоны – владельцы доспехов, все чаще употребляли тяжелое ручное оружие, дающее преимущество в тесном бою: боевые топоры и палицы, копыя с длинным и широким лезвием, которые применяли и как колющее, и как рубящее оружие...

Ближе к полудню устроили общие скачки. Победитель должен был получить в виде премии коня, а пришедший последним – до следующих скачек лишился права сесть на лошадь. Субэдэй сам, сидя верхом на коне, окруженный своими верными нукерами, в числе которых в тот день был и Угхах, присутствовал на этих состязаниях.

Втайне от всех десятник в душе переживал о том, что он не сможет принять участия в скачках. Ему хотелось показать свою удачу. Но, в большей степени, ему хотелось развеять тень тоскливой печали все чаще и чаще не сходявшей с его похудевшего в последнее время лица.

Ему казалось, что лишь на скачках он сможет встряхнуться, собрать в кулак всю свою размягчившуюся волю. Вся жизнь каждого воина, кто принимал участие в состязаниях, сосредотачивалась на том, чтобы не оплошать. Ибо тут одинаково легко можно было стяжать как щедрую награду и повышение по службе, так и гнев темника. Со всеми отсюда вытекающими последствиями. В это утро Угхах уже видел, как лучника, что из шести стрел ни разу не попал в цель, Субэдэй тут же приказал вырядить в женское платье и с позором прогнал с майдана.

Однажды разгневанный военачальник отстранил от командования пожилого сотника, который явно по вине своего споткнувшегося коня пришел на скачках последним. На его место назначили молодого нукера, особо отличившегося на последних состязаниях. И это была не просто честь, а много больше. Ибо при назначении сотником каждый получал двенадцать коней, а при распределении воинской добычи доля сотника в девять раз превышала долю простого воина.

Несмотря ни на что, Угхах частенько принимал участие в подобных скачках. Его искусство в верховой езде и прекрасный конь, подаренный ему по приказу самого Чингисхана, обычно позволяли ему быть в числе первых. А как-то он даже пришел первым.

После полудня устроили состязание в борьбе. В нем принимали участие только испытанные и в деле проверенные силачи. По одному от каждой сотни. Борьба велась без определенных правил – следовало, не нанося противнику ударов руками, ногами и головой, любым способом повалить его на землю, прижать весом всего своего тела или же, оторвав от земли, продержат, пока судья не хлопнет в ладоши три раза.

Победителем в этом состязании вышел десятник из второй тысячи – огромный, как скала, по своему происхождению из татар, своевременно перешедших на сторону монголов до полного истребления этого народа по приказу великого кагана, с воловьей шеей и стальными мускулами.

Легко бросив на землю своего последнего противника – нукера из первой тысячи, он издал утробный победный клич, гулко ударил себя обоими кулаками в грудь и горделиво оглянулся.

Теперь, по правилам, померяться с ним силой мог любой из всех присутствующих, и только если желающих уже не находилось, бирюч объявлял его на этот день сильнейшим из сильнейших.

Некоторое время на майдане царило глубокое молчание. Старый барс с отгрызенной лапой сильно не любил, когда кто-то побеждал нукеров из его охранной тысячи. Однако восхищение подобной силой все же брало верх над чувством досады за посрамление своего борца.

Субэдэй, хотя в душе и глубоко разочаровался исходом борьбы, подал знак бирючу.

На первый вызов, брошенный громогласным бирючом, никто так и не откликнулся. Тогда Субэдэй с усмешкой посмотрел на Угхаха, который тяжело сопел за его спиной.

– Что, акын, померяешься силами с татаринцом? Чего молчишь?

Не ожидавший вызова, сильно смутившийся Угхах пробормотал что-то крайне невразумительное и легонько тронул своего коня, заставил попятиться назад. Но, к его вящему неудовольствию, спасительный маневр успеха не имел, слова сотника заставили его остановиться:

– Ну-ка, десятник, не посрами чести нашей сотни. Неужели татарин сегодня будет праздновать победу над монголами?

– Следовало и его в свое время примерить по тележной оси, – буркнул Угхах, намекая на события, имевшие место, последствия коих кое-кто сумел ловко избежать, сумев предвосхитить поворот судьбы и избежав печальной участи своих сородичей, когда весь народ татарский вырезали после победы над ними. – Не стоял бы он ныне в кругу...

С глубокой обреченностью во внезапно расширившихся глазах Угхах крутанул головой, оглядываясь по сторонам. Все взгляды обратились именно на него, и тут он с ужасом понял, что его отказ был бы теперь равносителен собственному поражению и посрамлению.

Сойдя с коня, под одобрителные крики толпы он вышел вперед и скинул с себя доспехи. Не зря Субэдэй предложил бороться своему десятнику, знал его хорошо и был уверен в его силах.

И татарин оценил выступившего против него борца по достоинству, поняв, что на этот раз схватка выйдет не из самых легких. Но, желая подбодрить себя и вместе с тем улучшить удобный момент для начала нападения, он с презрительной насмешкой в хриловатом голосе кинул:

– Ну, певец, если обещаешь угостить меня молодым барашком, так и быть, в живых тебя оставлю! Это тебе не песни заучивать и распевать!

Жар ударил в лицо Угхаху. Наглая издевка больно хлестнула его. Его обвиняли в том, что место десятника он получил не по заслугам...

– Как бы не пришлось тебе землю есть вместо барашка, – закипая гневом, ответил он, напружинившись и не спуская глаз с противника.

Некоторое время, изучая друг друга и приноравливаясь, они, молча и тяжело дыша, топтались друг перед другом. Улучив удобный момент, татарин, резко пригнувшись, вдруг стремительно бросился вперед и выкинул руки, стремясь крепко схватить Угхаха за пояс. Но десятник, настороженно и внимательно следивший за всеми передвижениями своего противника, оказался начеку и вовремя отскочил в сторону.

Едва татарин выпрямился, он, в свою очередь, используя промах соперника, рванулся вперед и охватил его своими жилистыми руками.

Однако противник его был не только могуч и силен, но и достаточно ловок. Татарин с удивительной легкостью вывернулся из его цепких объятий и даже успел подставить Угхаху подножку, от чего он едва не опрокинулся навзничь. К счастью, десятник устоял.

– Что, не хочется падать? – издевательски заклекотал татарин.

– Нет, не хочу и не буду! – упрямо буркнул Угхах.

– Тогда ты сейчас полетишь! – резко выкрикнул татарин и, сделав шаг и внезапно присев, охватил руками полусогнутые колени Угхаха с явным намерением оторвать его от земли.

Обычно этот трюк проходил с неизменным успехом. Но хитрость и ловкость силача-татарина наткнулись на ловкость и изворотливость, ежели не еще более изощренную. Не дав своему могучему противнику времени выпрямиться и поднять его, Угхах сверху обхватил потное и скользкое тело под обвислое брюхо и резким рывком высоко вскинул ногами вверх. Изумленный и потрясенный татарин, пытаясь вырваться и выскользнуть, яростно задержался в его руках.

Но переменчивая удача в этот день явно повернулась к нему спиной. Не имея под собой точки опоры и вися вниз головой, спиной к Угхаху, он стал беспомощен и совершенно не в силах что-либо поделать и что-то изменить. Один за другим в оглушительной тишине ударами судьбы прозвучали три резких хлопка судьи, и тогда Угхах довольно бережно опустил на землю своего побежденного противника.

Суровая складка меж бровями Субэдэя разгладилась, посветлело его лицо. Он кивком головы подозвал бакаула, ведавшего распределением добычи и имущества, и что-то негромко ему на ухо просипел.

Тот поклонился до самой земли и бегом бросился по направлению к шатрам. Пока Угхах пытался, что ему никак не удавалось, понять, что повелел старый барс, бакаул шустро вернулся, таща за руку стройную и красивую девушку-подростка, скорее, даже еще ребенка.

– Твоя награда! – сказал он, ставя ее перед Угхахом. – Твой бакшиш! Твой господин, – добавил бакаул, обращаясь к девушке, которая вовсе не выглядела перепуганной, новое положение ее нисколько не смутило.

– Зачем она мне? – десятник мельком кинул на приз равнодушный взгляд. – Только путаться будет под ногами...

– Негоже, десятник, от подарка отказываться. Глянь, как девка-то рада, что досталась тебе.

Вглядевшись, Угхах узнал девчонку, понятна ему стала ее радость. Когда-то она принадлежала ему. Видно, Борте, жена его в свое время уступила или продала служанку-рабыню. Впрочем, какая ему разница!

С некоторых пор ему вовсе не хотелось смотреть в сторону женщин. Но отказаться от приза нельзя, этим самым можно кровно обидеть того, кто дал ему награду. Хотя, всегда можно обменять подарок темника на десяток лошадей. Он так и поступит. Но не сейчас. Да и девчонка эта чем-то ему дорога. Ее присутствие навевает тень воспоминаний...

Отдалившиеся во времени и с ним же, с тем счастливым временем, которое никогда уже не вернуть, принявшие причудливо расплывчатые и переплетающиеся формы, воспоминания одной слабой и тоненькой ниточкой связывали его с прошлым. С теми беззаботными днями, когда они во весь опор мчались на лошадях по расцветающей весенними красками, просыпающейся от зимней спячки степи. Он и она...

Мужчина и женщина. Они были счастливы вместе. Они не думали о том, что их ждет впереди. Они жили одним настоящим и ни о чем другом не думали и не помышляли. Их безумной радости не было края, когда на свет появился сморщенный красный комочек, громко орущий и дрыгающий ножками и ручонками. Их семья стала больше, но она не стала менее счастливой. Напротив, им казалось, что их счастливый мир расширился, стал на одного члена больше. Потом их стало четверо...

Но случилось то, что случилось, и он остался совершенно один. И никто не смог объяснить ему, почему все так ужасно случилось.

Никто не смог точно сказать, где осталась их общая могилка. Может, когда он догонял ушедшие вперед тумены и проезжал рядом с нею. Но ничто не ворохнулось в его сердце, ничто не подсказало ему, где и под каким свеженасыпанным курганом лежат самые дорогие и близкие для него существа. Не проезжал он мимо их могилки, обошел стороной...

Неутомимое время шло, открытая рана грубо зарубцевалась, и боль в сердце притупилась, лишь изредка напоминая о себе. И тогда он снова не находил себе места, сидел, в отчаянии покачивая разрывающейся от ноющей боли головой. Не выдерживая, вскакивал он на коня, мчался по степи, подставляя горящее лицо бешеным порывам встречного ветра, срывавшего со щек скупые мужские слезы. Но их никто не видел, о них, кроме него самого, никто не знал. Мужчины не плачут, а если и плачут, то украдкой. Они не должны показывать своей слабости...

Темной ночью десятник Угтах объезжал выставленные дозоры и засмотрелся на небо. Такого ночного неба в их монгольских степях он не видел. Рваные, темно-грязные тучи с бешеной скоростью неслись с одного края на другой. Тускло-желтая луна, казалось, пряталась от них, убегала, не желая встать и оказаться на их пути, боясь быть унесенной их стремительным порывом. Как-то совсем по-иному завывал ветер.

Чужое небо. Чужой ветер. Чужая страна...

Неприятно колющее и сосущее чувство острой тоски по далекой родине, прорвав сдерживающие ее плотины, нахлынуло и залило всю душу, и Угтах пожегился. Что-то не радостно ему в последние дни.

Не радовало когда-то веселого и взрывного монгола и то, что после возвращения от великого кагана его повысили, сделали десятником.

Больно резанула по сердцу, стреножив буйную радость от того, что он благополучно вернулся к своим, весть о том, что любимая красавица-жена его и двое малых детишек во время его длительного отсутствия тяжело заболели и скоропостижно скончались.

В этом походе на страны заходящего солнца многие нукеры взяли с собой своих монгольских жен, выехавших с далекой родины вместе с войском. Не оставил дома свою ненаглядную Борте и Угтах.

Да, его жену звали, как и первую и главную жену великого кагана. Но и это не спасло женщину и ее детишек от смертельной напасти.

– Эх, Борте, Борте! – сжимая кулаки, с невыразимой тоской в голосе простонал Угтах. – Зачем же ты ушла, бросила меня одного? Ты не должна была так со мной поступать! Мы же договорились с тобой, что умрем в один день, крепко обнявшись, ляжем в одну могилу...

Глубокая любовь к этой женщине не имела границ. Он боготворил ее и восхищался ею. Всегда одетая, как и воины, она, стройная и высокая, с виду почти ничем не отличалась от нукеров. Пока же не родился их первенец, Борте принимала участие почти во всех битвах. Бесстрашно носилась рядом с ним, подавала ему запасные колчаны со стрелами, сама метко стреляла из своего лука, который по размерам был чуть меньше боевого лука, но бил достаточно далеко. В пылу ожесточенной битвы трудно было сразу отличить ее от нукера.

После того, как у нее стало двое детей, она все больше занималась появившимися у них верблюдами, выючными конями и повозками, в которых она, самая заботливая мать и рачительная хозяйка, как зеницу ока берегла полученную при дележе добычу.

Не оставляла она без своего внимания и следила за двумя рабами: мальчонкой лет десяти и девкой, двумя-тремя годами постарше.

Хозяйство их все время разрасталось, и одна Борте уже никак не справлялась без их помощи. Вместе с подростками она доила кобылиц, коров и верблюдицу, во время стоянок варила пищу в медном котле.

Маленькие дети во время переходов или сидели в повозках, или же мерно покачивались в кожаных переметных сумках на выючной лошади. Иногда она возила их верхом за спиной, посадив в заплечную суму.

Посмеиваясь, Борте говорила, что ему пора завести себе еще одну жену. Тогда она меньше станет возиться с хозяйством и снова сможет больше времени проводить рядом с ним.

– Смотри, Угхах, – с волнующим придыханием шептала она, – в твоей сотне многие нукеры взяли себе, как законную долю в добыче, пленниц, сделали их своими женами.

– Ну и что? – Угхах беспечно пожимал плечами. – Я люблю только тебя одну. Никто другой мне больше не нужен. Разве не так, хатын? – заглядывал он в женские мерцающие глаза.

Зачем ему еще кто-то другой, когда он думает только об одной? Что он станет делать, когда к нему в постель залезет совершенно чужая женщина? Зачем ему это, зачем?

– Так-то это так... – как-то странно уводя взгляд, соглашалась Борте. – Только не принято у нашего народа, чтобы у сильного и крепкого мужчины имелась только одна жена.

– Если у него хватает мяса, чтобы вдоволь кормить их, – лениво отбрехивался муж, еще не понимая, к чему весь их разговор. – Я пока еще не тысячник и даже не десятник.

– Но ты им обязательно станешь! – горячо восклицала Борте. – Посмотри на других! Они еще не стали десятниками, а новыми женами уже обзавелись. И детей у них сразу прибавилось и рабочих рук...

Многие из ее подружек в юртах только командуют, распоряжаются «черными» женами. Появись и у нее такая возможность, она снова во всех битвах поскачет рядом с ним, будет оберегать его и защищать...

– Вот что тебя волнует! – на мужских губах появилась понимающая улыбка. – Ты устала, моя ненаглядная хатын, возиться с коровами. Тебе захотелось поваляться на мягких подушках!

– Вот еще, чего он удумал! – весело фыркнула жена, всплескивая руками. – И как только тебе такое могло прийти в голову? Да чтобы я и валяться на мягких подушках? Ха-ха-ха! – придерживая руками мелко трясущийся живот, она давилась от приступов безудержного смеха, а он, глядя на нее, только непонимающе хлопал глазами. – Возьми себе еще жену, – мелодично звенел-постукивал в его ушах ее переливчатый насмешливый колокольчик. – Но любить ты будешь только меня!..

Словно вновь явственно услышав голос любимой Борте, десятник вздохнул и тронул поводья. Из его груди вырвался болезненный стон:

– Борте, Борте! Ну, почему же ты не дождалась меня?

В монгольском лагере все было тихо и спокойно, а вот у соседей раздавался какой-то непонятный шум. Впрочем, там, видно, снова что-то не поделили, в том сборном таборе воинов самых разных племен и народов, тех, что пристали к монголам по пути.

Подъехав поближе, Угхах снова взгляделся в темноту, разрываемую всполохами от разожженных костров. Присмотревшись, десятник смог различить пестрые туркменские юрты, тангутские рыжие шатры. Чуть в сторонке виднелись черные шатры белуджей. За ними стояли простые шалаши то ли аланов, то ли еще каких-то неизвестных племен воинов.

Во время битвы весь этот разноплеменный сброд первым посылался в бой или на приступ городских укреплений, а после те, кто остался в живых, подбирали остатки захваченной монголами добычи.

Привязав коня к металлическому приколу, Угхах вошел в свой шатер. В углу что-то зашевелилось. Едва различимая тень поднялась, тихо скользнула и распростерлась возле его ног.

– Это ты, хозяин... – облегченно прошептали девичьи губы.

Безразличным движением руки десятник хотел приподнять девчонку и подтолкнуть ее обратно в свой угол, чтобы тихо сидела и не мешалась ему. Но грубая ладонь его ненароком задела тугой и упругий комок, от прикосновения к которому стало жарко, мгновенно пересохла губы.

Раньше он как-то не замечал, что под простенькой рубашкой может находиться юное тело подростка за это время служанки-рабыни. Ходит себе с опущенной головкой серая замарашка и ходит...

Нет, тут он неправ. Вовсе юная туркменка не замарашка. Просто он раньше старался не замечать, как подолгу и тщательно она умывается, как всегда чисто и свежо ее дыхание. Но он

даже подумать не мог о том, что под просторной одеждой давно уже не угловатый подросток, а юная девушка с налившимся всеми соками прекрасным тугим телом, которое целиком созрело для того, чтобы сполна познать радость любви.

– Иди, спи! – Угхах, преодолевая соблазн схватить это тело в охапку, убрал руки. – Поздно уже.

– Да, хозяин... – девушка разочарованно вздохнула.

В какое-то мгновение ей почудилось, что мужчина вдруг часто-часто задышал, в неровном пламени светильника блеснули его раскрывшиеся глаза. И она, замерев и затаив дыхание, ждала его горячих объятий, жаркого шепота, неловкой возни. Ждала этого и одновременно боялась.

Боялась рабыня того, чего еще ни разу с ней не случалось. Но, боясь, она столь же горячо этого желала. Но... ничего не случилось...

Подавив в себе поднявшееся желание, приглушенное навалившейся усталостью, десятник шагнул и завалился на свою подстилку. Веки его мгновенно сомкнулись, и он мгновенно уснул.

Проснулся Угхах, когда окончательно рассвело.

– Ты... чего? – пробормотал он, когда его взгляд неожиданно уперся в неподвижную фигурку. – Ты что, не ложишься? Ты всю ночь торчком и просидела? – удивленно спросил он.

– Я охраняла твой сон, хозяин. Не сердись.

Упрямая девчонка сидела на корточках прямо перед ним. На ее худенькие плечики была накинута застиранная до дыр, ставшая почти прозрачной рубашка из белого ситца.

Но первое, что увидел Угхах и что его смутило, – ее взгляд. Он впивался, он приковывал к себе, заставлял цепенеть – столько жило в нем неумной жажды, плотского зова, что мужчина замер, пристально стал всматриваться в полуобнаженное девичье тело.

Сразу стало заметно взволнованное трепетанье крышек ее носика и стали видны подрагивающие от возбуждения уголки губ.

Сквозь тонкую ткань рубахи он разглядел упруго торчащие в разные стороны юные груди с напряженно вздувшимися сосками. Расходясь под его взглядом, стройные девичьи ножки произвольно расползли в стороны, нескромно приоткрывая темный мысок.

– Чего ты? – буркнул он, в смущении начав тереть глаза тыльной стороной давно немойтой ладони.

– Твой Борте... – мило коверкая слова, продолжая прямо смотреть на него, проговорила девчонка, – перед тем, как уйти к Небесным Духам, взяла с меня слово, что я стану твоей верной женой.

– Не выдумывай ты! – не поверил он, сделал вид, что не поверил.

Зажмурив крепко глаза, десятник попытался извлечь из памяти один странный разговор, суть которого он начинал понимать только сейчас. В тот вечер Борте вскользь спросила:

– Тебе нравится наша туркменка?

Неглупая монголка заметила, какими глазами смотрит служанка на ее мужа, смекнула, что юная туркменка по имени Юлдуз влюбилась в Угхаха, как можно влюбиться в ее годы. До одури, до беспамятства, безрассудно и самозабвенно, всем своим еще неискушенным сердечком.

Хотя, она и сама все заводила разговор о том, что ее мужу следовало бы взять еще одну жену. Но жаркое чувство юной рабыни ее несколько пугало. Она боялась, что новая любовь может затмить старую.

– Как может нравиться или не нравиться вещь, которая принадлежит тебе по праву? – шутивым вопросом ушел он от ответа, не желая даже думать об этом. – Вещь, она и есть вещь...

– Ну... вещи бывают разные, – задумчиво произнесла Борте, а потом резко сменила тему разговора и больше об этом она и не заикалась.

Со стороны наблюдала Борте, как Юлдуз пожирает влюбленными глазами ее мужа, а тот, простачок, словно ничего и не замечает...

– Хозяйка... – девушка печально вздохнула, – наказала мне, чтобы я дождалась твоего возвращения и всегда была при тебе. Она взяла с меня страшную клятву. Я пообещала ей...

Но никак не ожидала она, Юлдуз, что после смерти своей хозяйки, странным образом вдруг окажется в обозе темника Субэдэя. Потом кто-то шепотом объяснил ей, что так поступили, думая, что посланный гонцом к Чингисхану Угхах никогда не вернется. А когда он вернулся, то и не вспомнил о прошлом имуществе, щедро одаренный Субэдэем.

– Если я не захочу тебя в жены? – усмехнулся уязвленный Угхах.

– Тогда я стану твоей верной тенью...

Коротко и резко вздохнула Юлдуз, когда он резко качнулся к ней, схватил руками. Все ее тело так и встрепенулось, ощутив проникающие прикосновения мужских пальцев, и подалось навстречу им.

Дева вздрогнула, тихонько простонала, что неимоверно подстегнуло мужчину, в душе которого еще боролось сомнение. Угхах каким-то подсознательным чувством определил, что девчонка уже не осознает окружающего, что она уже вся там, в томящем мареве зова собственной плоти. Он отринул все другие мысли, подхватил на руки безвольно поникшее тело, высоко поднял и закружил, вдыхая в себя упоительные запахи ее нетронутой чистоты и молодости.

– Хатын, хатын, – прошептал он, закрывая глаза.

И вдруг вспомнились ему те счастливые дни, когда он только привел в свою юрту смущающуюся и не поднимающую на него свои глазки Борте. Он как будто снова вернулся в свою молодость...

– Я люблю тебя! – донесся до него счастливый девичий шепот.

Обмякшая в его руках, она дышала страстным желанием, учащенно вздымались юные грудки, бурное дыхание рвалось из приоткрытого рта.

Уложив девчонку на мягкую подстилку, десятник наклонился к ней и, не сдержав своего желания, поцеловал озорно выглянувший и остро торчавший сосок. Протяжно вскрикнув, Юлдуз крепко обхватила его, судорожно обняла, завалила на себя, суется широко раздвинутыми ножками, покорно подкладываясь под его крепкое тело.

Ощувив его прикосновение, девчушка резко забилась, торопливо и бестолково вскидываясь, подставляя свое жаждущее лоно.

– Ох! – тихий вскрик, и она, обмякнув, превратилась из нескладной девчонки в женщину, ладную и неотразимо притягательную.

И черты ее лица изменились. Мягче стало его выражение. Исчезла напряженность вожделения. Под мужчиной, распахнувшись вся, лежала женщина – возбужденная до предела, изнывающая в неутоленной пока еще жажде соития и полностью готовая к нему – но уже не скромная дева, а женщина. И он, пораженный этим мгновенным превращением, подался к ней, снова задвигался. Его движения крупно встряхивали юное тело. Трепыхались, вскидываясь и на мгновения замирая в своем восторженном полете, упругие грудки. Легонько обнимая Угхаха за плечи, Юлдуз вся отдалась своему любимому и ненаглядному мужчине, растворившись в долгожданном счастье, став частицей мужчины...

Глава V. Ловушка захлопнулась, но мышь ускользнула

Караульный, выставленный на глиняной круче, с которой весь глубокий и извилистый овраг, вернее, та его часть, что прилегала к лесу, хорошенько просматривалась, заметил, как

по направлению к ним плывут, покачиваясь с бока на бок, две арбы, соскочил с толстой ветки и засеменял к сотнику.

– Едут, едут! – свистящим голосом возвестил монгол и протянул руку, указывая: – Там... там...

– Чего ты разорался, а? – недовольно зашипел Угхах, передергивая плечами. – Тише, не в родной степи! – попенял он.

Ибо тут каждый звук разносится далеко, проносится по высоким верхушкам, пугая птиц и сгоняя их в огромные каркающие стаи. Любому станет понятно, что в лесу обретает кто-то чужой.

– Две повозки, – перешел на шепот дозорный, – и четверо конных.

Вскочив на коня, Угхах в сопровождении двух нукеров поскакал навстречу повозкам. Сомнений в том, что это ехали именно те, кого они ждали, у него не было. Добрые люди с благими намерениями по дну оврага по направлению к дремучему лесу не разъезжают. И на передней арбе выставили условленный знак – к правой оглобле они привязали длинную пеструю ленточку, которая порывисто развевалась на ветру.

– Вас ждут... – сотник вынул и показал кусок кожи с выжженным на ней тавром-печатью.

– Слава Аллаху! – облегченно вздохнул приказчик купца Махмуда аль-Гурганджи, вытаскивая из-за пазухи такую же кожаную пайцзу. – Я боялся, что вы заблудитесь, не найдете дороги.

– Мы-то ее нашли, – заскрежетал зубами Угхах. – А вот кое-кто, видно, еще блуждает... – в сердцах сплюнул он.

Позор им всем, несмываемый и на всю их оставшуюся жизнь, если из-за этого наглеца и хвастуна Кокчу они провалят все задание. Если в ближайшее время любимец Субэдэя не появится, ему придется самому отправиться с частью своих людей в город. Подобная возможность не исключалась. Возможно, так будет даже лучше и намного безопасней. Он тут вторые сутки, и все вокруг спокойно. А если этот Кокчу тащит за собой погоню, то всем им грозит смертельная опасность.

К дрянному и никудышному, сильно подавленному настроению, что не покидало его последнее время, добавилось все более остро осязаемое предчувствие грозно надвигающейся опасности. Так в очередной раз срабатывало у него предвидение, выработанное с годами, пришедшее с накопленным опытом. Любой, даже самый тщательно продуманный план, бывало, не срабатывал из-за какой-то мелочной случайности. Не говоря уже о том, что все летело в тар-тарары, если кто-то начинал вести себя глупо, переставал следовать всем полученным предписаниям, бравируя и наплевательски пренебрегая неписаными правилами войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.